

Лучший роман об отношениях мужчины и женщины

Татьяна Веденская

ВСЕ ДЕЛО В ПЛАТЬЕ

тираж
превысил
3 миллиона
экземпляров!

Книга Татьяны Веденской лучше сеансов психоанализа
возвращает к жизни.

О.Маховская. психолог, писатель

Татьяна Веденская

Все дело в платье

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20638181

Все дело в платье: Издательство «Э»; М.; 2016

ISBN 978-5-699-91228-5

Аннотация

Казалось бы, предложение руки и сердца сделано. Весь офис тому свидетель. И самое главное желание Маши Кошкиной – быть рядом с Николаем Гончаровым, опытным, красивым, успешным мужчиной, – исполнилось. Радуйся, сажай в золотую клетку птицу счастья и насвистывай с ней дуэтом! Но для Маши настали времена отнюдь не благостные. Каждый новый этап в отношениях с Николаем открывал ей ту сторону жизни, о которой она, романтическая девушка, и не подозревала. Как ей, дочке простых врачей, вписаться в круг жениха, принадлежащего совершенно к другому социальному классу? Как научиться обсуждать проблему, а не прятаться от нее, подобно страусу? Как справиться с ревностью? Как сохранить свою волю, когда так хочется подчиниться и раствориться во власти прекраснейшего из мужчин?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	40
Глава 4	56
Глава 5	75
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Татьяна Веденская

Все дело в платье

© Саенко Т., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Все совпадения, очевидные или неявные, с именами, местами, ситуациями, характерами, обстоятельствами и любыми другими составляющими данной книги, являются чистой случайностью и не были запланированы автором.

Глава 1

Что бывает, если забыть рассказать родителям о чем-то важном

Это было вполне обычное утро вполне нормального дня, отличающегося от предыдущего разве что тем, что оно, это утро, было уже осенним. Но даже это разделение было простой формальностью, погода сменилась еще на прошлой неделе, и вместо солнца над городом летающими тарелками зависли тяжелые серые дождевые облака. Мария Андреевна Кошкина¹, симпатичная шатенка с выразительными темными глазами, стояла, задравши голову, посреди школьного двора и вглядывалась в небо, пытаясь определить, пойдет ли дождь. Двор был забит взволнованными родителями, разодетыми по-праздничному учителями и школьниками, равнодушными ко всему, кроме друг друга. Семейство Кошкиных сбилось вместе, за исключением «виновника торжества», Саши Кошкина, направляющего свои стопы на этот раз в седьмой класс. Да сохранит господь учителей! Мама этого семейства, Татьяна Ивановна Кошкина глубоко вздохнула, заметив, что ее сын пытается влезть в окно первого

¹ Начало истории о Маше можно прочесть в романе «Такая странная любовь».

этажа школы, бог его знает зачем.

– Думаешь, будет дождь? – спросила мама Машу, одновременно продолжая следить за передвижениями своего сына. От школьных окон их отделяла целая толпа родителей, учителей, школьников, да еще и президиум, выстроенный из нескольких соединенных между собой столов, с микрофонами на подставках и стопками каких-то бумаг.

– Думаю, уже дождь! – сказала Маша, выставив вперед ладони. На правой ладошке, в самой середине, поблескивала упавшая с неба капля.

– Они же всегда делали линейку в спортзале, – удивленно пробормотал Андрей Владимирович Кошкин, отец Маши и Саши, которого идея попасть под дождь совсем не впечатлила. – Неужели трудно прогноз погоды посмотреть?

– Что ты говоришь, а? – воскликнула мама тоном, в котором раздражение явно превосходило раздражитель.

– А чего я такого сказал? – обиженно бросил ей супруг, но Татьяна Ивановна сарказма не заметила. Саша Кошкин с парочкой одноклассников добились значительных результатов в своем черном деле, забросив сумку с длинным ремнем на школьную решетку, и теперь Саша карабкался по ремню вверх. То, что Татьяна Ивановна кричала на мужа, было связано только с тем, что докричаться до сына с их места было технически невозможно.

– Прогнозы всегда все врут, – фыркнула она возмущенно. – Кто их только смотрит! Неужели недостаточно посмот-

реть на небо. Нет, я не понимаю, почему там никого нет? Он же сейчас упадет!

– Мама, давай я схожу, – предложила Маша, хотя то, что ее непоседливый брат грохнется с высоты первого этажа, ее нисколько не пугало. Даже радовало.

– Сходи, Маша, сходи, – закивал папа с важным видом, но Татьяна Ивановна чуть не испепелила его взглядом, и папа занервничал: – Не надо? Почему?

– Интересно, это когда Саша слушался Машу? – ехидно уточнила мама, передавая папе сумку. – Тогда уж он, скорее, решит лезть сразу на второй этаж. Или даже на крышу. Вы лучше идите пока ближе ко входу, потому что все равно всем сейчас скажут переходить внутрь. Будет давка.

– В таком случае, не лучше ли Саше залезть в школу через окно? – пожалала плечами Маша, задетая за живое маминим комментарием. Да, отношения с братом были так себе, оставляли желать лучшего, как говорится. А какие могут быть отношения у двадцатитрехлетней девушки и ее двенадцатилетнего брата. У них разница в десять лет, каждые из которых Маша была старше его, каждые из которых ее просили последить за братом, уступить брату, отдать брату конфетку, прекратить драться с братом, не ругать брата за то, что тот уничтожил важные бумаги, что разлил шоколадное молоко прямо на дипломный чертеж...

– Так, не начинай! Вот из-за твоего характера у тебя все проблемы. Работу потеряла! – возмутилась мама и тут же

резко подалась вперед, так как ее сынок-семиклассник добрался-таки до подоконника. Вторжение было необходимо остановить, и это нужно было делать прямо сейчас.

Маша отступила назад, прикусив губу. Она совсем забыла, что последнее обновление информации для ее родителей – вчерашнее, когда Маша бегала по квартире и кричала, что увольняется из своего архитектурного бюро, проклиная его на веки вечные. Она вычистила шкафы, увезла все чертежи, забрала все файлы и даже стерла с компьютерной заставки групповое фото их коллектива. Трагедия, а в финале – Джульетта выпивает яд и падает замертво. Вот только... Маша не уволилась. Напротив, так уж вышло, что ей не только оставили место, ей даже выделили помощницу. Теперь у Маши был собственный офис, комнатка в здании въездной группы строящегося загородного поселка «Русское раздолье», и собственный секретарь Юля.

Она просто забыла сказать об этом родителям.

– Характер у меня нормальный, – пробормотала Маша, мучительно раздумывая, как объяснить родителям причину своего неувольнения. Мама продралась через кучку родителей, обошла столы президиума, стараясь не привлекать к себе внимания, а затем достигла угла школы, где и происходило это стихийное взятие школы на абордаж. Маша не слы-

шала, что мама сказала Сашке, но тот от одного вида мамы занервничал, чуть не грохнулся и быстро сполз по ремню на грешную землю. После чего мама принялась строго его отчитывать.

– Ничего, дочь, – услышала она голос отца. – Не переживай. В твоём возрасте все можно переиграть. Поступишь в медицинский, как мы и хотели... Все будет хорошо...

– Все будет, да, – прошептала Маша и закрыла глаза на секунду. Именно в этот момент пошел дождь. Он не стал рассоливать, капать, предупреждая о себе, набирать постепенно обороты. Он обрушился крупными потоками, заливаясь под воротники, проливаясь на портфели и ранцы. Вся линейка, как единый живой организм, подорвалась и потекла широкой человеческой рекой к школьному входу. Маша и Андрей Владимирович отдались воле потока.

– В конце концов, – говорил на ходу отец, – все, что ни делается, – к лучшему. Мы тебе поможем, даже не переживай. Еще ничего не поздно, и многие люди получали второе высшее образование, потому что с первым что-то не сложилось. Мама будет счастлива.

– Да, это точно, – Маша с тоской посмотрела в сторону. – Мама будет счастлива.

Чтобы мама была счастлива, хотели все в семье Кошкиных. Когда мама счастлива – все счастливы. Когда мама счастлива, она готовит вкусные пироги, напевая что-то себе

под нос. Она смеется и устраивает посиделки с настольными играми. Она с удовольствием и без возражений выслушивает все папины истории про рыбалку, про походы и то, как какая форель клюет и на какого опарыша. Еще бы папа не стремился сделать маму счастливой! Вот только... Маша не собирается поступать в медицинский и никогда не собиралась. Да, она могла крикнуть об увольнении в сердцах, думая, что ее собственный мир, который она с таким старанием строила, разрушился. Даже если бы он разрушился на самом деле, Маша не смогла бы воплотить мечты родителей в жизнь. Продолжение семейной традиции теперь находилось в ненадежных ручках ее семиклассника-брата.

А Машу даже не уволили.

– Ну, где вас носит? Маша, ты промокла? – Мама встретила их в спортивном зале, не посчитав нужным ответить на вопрос, как она умудрилась попасть туда раньше Маши с папой. Мама всегда была способна на самые невероятные чудеса, и Маша даже хихикнула, представив, как мама при первых признаках дождя отталкивает Сашку в сторону, сносит с петель оконную решетку и по одному забрасывает в школу всех его одноклассников и его самого тоже. А затем расправляет руки и в образе супермена влетает в школьный коридор.

– Мы не промокли, – ответил за Машу папа. – Думаешь,

теперь эта линейка затянется еще на час?

– А ты что, куда-то спешишь? – сощурилась мама. Ходить к детям на все праздники, утренники, линейки и собрания было в традициях семейства Кошкиных. Дети – самое важное, и нужно участвовать в их жизни всеми возможными способами, даже когда они об этом не просят.

– Я никуда не спешу, – тут же поднял руки папа. – Я до обеда отпросился.

– Маша, ты потом останься, помоги мне с продуктами, а то у нас дома все кончилось.

– Я... мне нужно будет... – Маша отчаянно подбирала слова, чтобы объяснить, что ее-то как раз никто с работы не отпускал, когда мама нахмурилась и посмотрела на дочь пристальным, тяжелым взглядом.

– Только не говори, что собираешься «откосить» от обеда! Какие у тебя дела? Все твои дела ты сама испортила! Я говорила, что весь этот дизайн – совершенно бессмысленная трата времени. Бегать по всему городу, по каким-то полям и лесам, рисовать картинки – разве это работа? Если бы ты слушалась меня с самого начала, ты бы не попала в такую ситуацию. Ты бы уже заканчивала ординатуру. У папы знакомый получил кафедру дерматовенерологии. Ты хоть понимаешь, как сложно попасть на такую кафедру? А ведь ты же умная девочка и училась всегда хорошо. Если бы не твой характер...

– Мам... – пробормотала Маша, растерянно глядя на виб-

рирующий телефон. Мама словно не слышала и не замечала ничего вокруг.

– Ничего. Папа прав. Что ни случается – все к лучшему. Теперь только не надо тратить времени. В конце концов, тебе всего двадцать три. Некоторые только из армии возвращаются и поступают. Может быть, придется кое с кем поговорить. Ничего, я все решу. Сейчас, конечно, немного поздновато. Если бы ты уволилась хотя бы в июне, мы бы тебя провели через приемную комиссию. Ничего, можно будет оформить платно. Мы подумаем.

– Мам! – крикнула Маша, так и не ответив на звонок. – Послушай меня.

– Да-да, я слушаю, – ответила мама, глядя куда-то в сторону, туда, где из мокрых столов заново собирали президиум.

– Мне нужно идти, мам, – пробормотала Маша, предчувствуя катастрофу, предотвратить которую была совершенно не в состоянии.

– В туалет? – переспросила мама, перепутав, специально или ненамеренно, слова «идти» и «выйти». – Я с тобой.

– Не в туалет, – покачала головой Маша, пробираясь к выходу из актового зала. Краем глаза она отметила, что Сашка и его неугомонная компания пинают один из рюкзаков, используя его вместо футбольного мяча. Она пробралась сквозь недружелюбную толпу только-только устроившихся на новом месте родителей и выскользнула из двери спортивного зала как раз под звуки голоса директора школы, со-

общавшего всем присутствующим, насколько сильно он рад всех тут видеть в этот прекрасный праздничный день, День знаний.

– Маша, остановись. Куда тебя несет! – возмущенно воскликнула мама и схватила дочь за руку. Выхода не было. Приходилось признаваться. Что ж, по крайней мере, не в зале, не при директоре школы.

– Мама, я не говорила, что меня уволили! – бросила Маша в отчаянии. – Я говорила, что хочу уволиться сама.

– И что? – Мама смотрела так, словно не понимала, на каком языке внезапно заговорила ее дочь. – Какая разница?

– Большая разница, мама. Ты меня никогда не слушаешь. Я хотела уволиться, но я не уволилась.

– Нет? Как нет? Ты же... все чертежи увезла.

– Да, увезла. Они у меня на работе лежат, – грустно проворчала Маша, но Татьяна Ивановна все еще отказывалась верить.

– Ты же так плакала, Маша!

– Мам, я все время плачу, разве нет? – улыбнулась Маша. – И что?

– Ты не уволилась? – Мама, кажется, даже побледнела, отчего Маше стало окончательно не по себе. Конечно, нужно было еще вчера позвонить маме, успокоить ее, рассказать ей все, но проблема была в том, что Маша вчера была так занята, так занята всем, что произошло. Тем, как резко и неожиданно развернулась ее жизнь. Целый мир сначала перевер-

нулся с ног на голову, а затем с такой же, если не с большей скоростью, встал обратно на свое место. И Маша просто за-была...

– Мам, мне нужно ехать на работу, понимаешь? – аккуратно добавила дочь, но Татьяна Ивановна вздрогнула, словно ей в сердце воткнули нож.

– В это твое бюро?

– Меня повысили, мам. У меня теперь целое свое направление в «Русском раздолье», я буду заниматься ландшафтным парком, который я рисовала и проектировала.

– Повысили, господи! – мама прикрыла рот рукой. Маше было жалко разбивать мамины мечты. – Значит, тебя повысили. Я... мне надо присесть.

– Конечно-конечно, – закивала Маша, усаживая маму на скамейку в коридоре. Из спортивного зала школы доносились обрывки официальных речей, Машин папа выскользнул из зала, заподозрив неладное, и теперь он сидел рядом с мамой, его взгляд на Машу был полон боли и неодобрения.

– Но это же далеко!

– Меня возят на машине, – отбивалась Маша.

– И сколько с тебя за это берут?

– Мне повысили зарплату. На самом деле, мне ее уже месяца два как повысили.

– Ей повысили зарплату! – воскликнула мама так, словно речь шла о признаках неминуемого конца света.

– Тише, Танечка, тише, – успокаивал жену Машин папа. –

Ничего страшного. В конце концов, мы же как-то уже сжились с этим.

– Я надеялась... я не переставала верить, Андрюша. Что же это, за что?

– Ты говоришь так, словно я занимаюсь чем-то непотребным, – осмелилась слабо возразить Маша, но ее мама только выразительно отмахнулась от дочери.

– Я ничего не хочу знать про твою работу. Мне все равно, какая она там. Мои мечты, мои планы ты разбила. Я вдруг подумала, что все возможно. Поверила в чудо. А теперь, значит, получается, ты всю жизнь будешь рисовать свои картинки. Подбирать цвета для занавесок.

– Это не так. Это не то, чем я занимаюсь! – тут уж Маша не сдержалась. – Как насчет моих планов, того, о чем я мечтаю?

– Какие у тебя там могут быть мечты? Начертить треугольный дом? Мы – врачи, мы спасаем людей, занимаемся реальными вещами. Ладно, что там. Ты никогда никого не слушала, Маша.

– Если так, то в этом я пошла в тебя, мама. Ты никого никогда не слушаешь! – воскликнула Маша. – Даже если бы я попыталась что-то тебе объяснить, рассказать...

– Девочки, не ссорьтесь. В конце концов, сегодня праздник! – папа улыбался примирительно. Мама посмотрела на Машу долгим взглядом, а затем вдохнула полной грудью.

– Ладно, Маша, перестань. Не обижайся, не ссориться же нам теперь из-за того, что тебя НЕ уволили. И потом, ты все-

гда делаешь, что хочешь.

– Это не так! – попыталась вклиниться Маша, но мама отвернулась к отцу.

– Это все – твое воспитание. Всегда ей все позволял.

– Таня! – растерянно развел руками папа.

– Надеюсь, ты не пожалеешь о таком своем либерализме! – гордо бросила мужу Татьяна Ивановна и протянула руку Марии. – Пойдем, я провожу тебя, Маша.

Маша безвольно поплелась за мамой, и только при выходе из школьных дверей поняла, какую катастрофическую ошибку совершила. Да лучше бы она сбежала через окно, воспользовавшись идеей своего младшего брата с ремнем от портфеля. Лучше бы она сделала вид, что ей нужно в этот туалет, и выпрыгнула бы там из форточки. Потому что теперь – и безо всяких шансов на то, чтобы отмотать все назад, – Маша была вынуждена объясняться по другому поводу. Ее забывчивость простиралась куда дальше, чем она думала. И не только о том, что ее НЕ уволили, Маша забыла рассказать родителям.

– Маша, а что ЭТОТ ЧЕЛОВЕК делает тут? – зазвенел мамин голос рядом с Машиным ухом. Еще бы, ведь перед школой, рядом с блестящим от дождя черным джипом стоял Николай Гончаров, высокий широкоплечий мужчина с острым и умным взглядом. Он был одет в дорогой костюм – дву-

бортный пиджак глубокого синего цвета, идеально сочетающийся со светлой рубашкой в голубую полоску и галстуком в тон пиджаку. Брюки были холодного оливкового оттенка, но сочетались с пиджаком идеально. Николай держал над головой широкий мужской зонт, в другой его руке – красная тряпка для Машиной мамы – огромный букет красных роз. Да уж, Маша забыла сказать маме, что они с Николаем Гончаровым не только помирились, но и...

– Мама, Николай приехал за мной, – затараторила Маша. – Он меня отвезет в поселок.

– А веник зачем? В качестве бонуса? – хмыкнула мама, решительно направляясь к Николаю, который, наивный, доброжелательно улыбался приближающейся делегации. Такой высокий и сильный, но Маша всерьез испугалась за него. Ведь, как ни крути, а она забыла сказать маме, что они с Николаем помирились. Да и когда бы ей это сделать? Еще вчера Маша бегала по квартире и кричала, что увольняется, что мама может забыть о Николае Гончарове. Хотя как можно забыть того, кого видела всего один раз и ничего о нем не знаешь!

– Добрый день! – воскликнул Николай, бросаясь вперед к Татьяне Ивановне, чтобы закрыть ее зонтиком от дождя. – Прекрасная погода, не правда ли?

– Неправда, – отрезала мама. – Вы – Машин шофер?

– Шофер? – нахмурился Николай, бросая суровый взгляд на Машу.

– Мама, я тебе потом все объясню! – попыталась вмешаться Маша, но было поздно. Николай был не из тех людей, с которыми можно было просто так шутить. И уж точно не из тех, кого стоило называть шофером. Не так давно Маша не знала о Николае Гончарове почти ничего, кроме того, что он – главный заказчик их архитектурного бюро, что он крайне жесткий человек, с которым нужно вести себя очень осторожно. За глаза в их фирме Николая Гончарова звали Доном Корлеоне, отчасти за отдаленное внешнее сходство с молодым Аль Пачино, а отчасти за слухи о темном происхождении капиталов его холдинга. Все это знала Маша, но ни о чем этом не имела никакого понятия Машина мама. Для нее Николай Гончаров – взрослый мужчина, с которым она застала свою дочь в постели. Взрослый мужчина, взявшийся, как черт из табакерки, неизвестно откуда в то время, как мама с папой и Сашкой уезжали в отпуск. Черт из табакерки, который довел ее любимую дочь до слез.

– Чего тут объяснять? – вспыхнула Татьяна Ивановна. – У вас в поселке что, шоферов не хватает, что присылают кого попало? Николай, да? Я не успела расслышать вашего полного имени, поскольку вы так быстро убежали из спальни моей дочери.

– Зовите меня просто, Николай Николаевич, – сказал Гончаров тихо. – А вы, я так понимаю, Татьяна Ивановна, верно? Я правильно запомнил ваше имя?

– Правильно запомнили, но могли бы и не трудиться. Вам

мое имя ни к чему.

– В этом я с вами категорически не согласен, Татьяна Ивановна, – добавил Николай вкрадчивым голосом. Глаза его опасно блестели, и Маша тарасилась, как могла, чтобы остановить его взглядом. Но, как говорится, нашла коса на камень.

– Отчего же? – притворно удивилась мама. – Не думаю, что нам придется много общаться.

– Тут как получится. Или, вернее, как захочет Мария Андреевна. Я, во всяком случае, хочу, чтобы между нами сложились самые приятные и комфортные отношения, – пожал плечами этот самоуверенный негодяй в красивом пиджаке. Мама хлопала глазами, не в силах скрыть удивление. Что он себе позволяет!

– Комфортные отношения нам ни к чему. Мне кажется, Мария Андреевна вчера все сказала предельно ясно! – процедила мама, пытаясь прожечь взглядом дыру на синей ткани пиджака.

– Тут я с вами полностью согласен, – заявил Николай и, к полнейшей маминой неожиданности, широко улыбнулся. – Мария Андреевна была предельно ясна, когда дала согласие стать моей женой. Так что общаться нам придется. Нехорошо ссориться с ее будущим мужем. Вы не согласны?

– С ее будущим... кем? – Татьяна Ивановна так и осталась стоять с открытым ртом, и слова, которые всегда находились у нее с такой легкостью и на любой жизненный слу-

чай, на этот раз не нашлись. А Николай Гончаров, воспользовавшись моментом и этой внезапно возникшей тишиной, сделал несколько шагов вперед, обошел маму, взял Машу за руку и притянул к себе. Папа в полнейшем шоке смотрел на то, как Николай Гончаров вручил пунцовой от смущения Маше огромный букет ярко-красных роз, а затем – о небеса! – притянул к себе, обнял и поцеловал прямо в губы.

– Я скучал, а ты? – спросил он, глядя на Машу. – А ты?

– Я тоже, – кивнула Маша, бросая осторожные взгляды в сторону все еще не пришедшей в себя мамы, на всякий случай прикрываясь букетом как щитом. – Мама, папа, прости меня, пожалуйста. Все произошло так быстро, что я просто не успела обо всем подумать. Да, мама, да. Николай сделал мне предложение.

– Но... когда? – с трудом выдавила из себя Татьяна Ивановна, мир которой если и не рушился на глазах, то претерпевал совершенно фантастические изменения.

– Вчера!

– И ты согласилась? – изумленно переспросила Татьяна Ивановна.

– Вас это так удивляет? – Николай склонил голову и примирительно улыбнулся. – Я совсем не так плох, как может показаться на первый взгляд.

– Если бы у меня еще было хоть что-то, кроме этого самого первого взгляда! – ворчливо пробормотала Татьяна Ивановна. – Маша, я не понимаю. Почему ты нам ничего не ска-

зала?

– Да, Мария Андреевна! – повторил Николай строго, но в глазах его плясали смешинки. – Почему ты никому ничего не сказала?

Маша перевела взгляд с мамы на папу, с папы на Николая и вернула его обратно, к маме. Она не совсем знала, как объяснить это даже самой себе. И поэтому она решила сказать правду.

– Я забыла! – пробормотала она, краснея от стыда.

– Вот так! – воскликнула мама и с вызовом посмотрела на Николая, который нахмурился и принялся изучать Машу долгим внимательным взглядом.

– Я имею в виду, что я просто забыла сказать! Я вчера так устала, и все произошло так быстро. И так много всего. Я просто уснула – Маша и сама могла слышать, как жалко и неубедительно звучат ее оправдания.

– А утром? Утром ты же проснулась, да? Ты же завтракала. Ты же не забыла намазать джем на хлеб, верно? Тебе не пришлось в голову, когда ты пила чай, сказать что-нибудь из серии «Дорогие родители, я не увольняюсь с работы и, кстати, я выхожу замуж, – мамин голос звенел от возмущения. – За мужчину, которого вы видели один раз в жизни и о котором ничего не знаете». Нет, я многое от тебя ожидала, но такое я и представить себе не могла.

– Да уж, Мария Андреевна, – пробормотал Николай. – Когда дело касается вас, просто не знаешь, чего и ждать.

Глава 2

История с пирамидой, или Что бывает, когда оба твоих родителя – врачи

Медицинская династия семейства Кошкиных протянулась сквозь три поколения, и, если бы Маша не была такой упрямницей, то уже зацепила бы и четвертое. Конечно, оставалась определенная надежда, что Саша Кошкин продолжит семейную традицию, но на него Татьяна Ивановна пока больших надежд не возлагала. Кто знает, что может вырасти из мальчика, главной мечтой которого является сомнительный прыжок с одной крыши гаража на другую и который тратит все свободное время, изучая новые трюки со своим велосипедом. Одной зеленки на его коленки перевели, наверное, ведро. Нет, Саша пока был темная лошадка, а Маша больше вообще не участвовала в скачках. Оставалось только учиться смирению, что было совершенно не в характере Татьяны Ивановны.

А теперь еще и это. Жених, понимаете ли!

Татьяна Ивановна смотрела на чужого возмутительно

взрослого мужчину, сидящего за ее семейным столом, и старательно сдерживалась, чтобы не разораться и не начать швыряться тарелками. Это было невообразимо! Ее девочка, еще вчера влюбленная в какую-то смазливую фотографию, мечтающая о настоящей любви и о новой мягкой игрушке, решила выйти замуж? И не за смазливую фотографию и пустые, набитые розовой ватой мечты, а за вполне реального, слегка небритого, со вкусом и дорого одетого мужчину – как раз такого, от которого лучше бы держаться подальше.

– Значит, ваша сфера – бизнес? – Татьяна Ивановна вздрогнула, услышав вежливый голос мужа, и принялась снова помешивать борщ в большой блестящей кастрюле. Идея пригласить этого типа к ним домой принадлежала не ей, а супругу, но теперь Татьяна Ивановна была готова признать, что идея была не так уж и плоха. Держи друзей близко, врагов еще ближе, а женихов своих молоденьких дочерей прямо рядом с тарелкой супа. То есть борща.

– Я владею бизнесом, – поправил отца Николай. – Поэтому, скорее, я занимаюсь вопросами управления.

– Строительный бизнес, – уточнил Андрей Владимирович, поглядывая на сидящую рядом Машу. Та была тише воды, ниже травы и явно чувствовала себя не в своей тарелке. Казалось, что ее будущее замужество было для нее такой же неожиданностью, как и для ее родителей.

– В том числе и строительный, да, – кивнул Гончаров. –

Наш холдинг занимается разными направлениями, но я сейчас почти полностью сконцентрировался на «Русском раздолье».

– Раздолье? – переспросил отец, и Маша тут же очнулась. Это была знакомая тема, в рамках которой было вполне комфортно.

– «Русское раздолье», папа, это наш поселок, который мы строим. И проектируем. Помнишь, я рассказывала тебе про парк, который мы пытаемся «пробить» через управу области?

– Не мы, а ты, – улыбнулся Гончаров и тут же, к возмущению Татьяны Ивановны, положил свою большую ладонь на Машину коленку. – Ваша дочь совершила невозможное, но, кажется, мы действительно получим государственную поддержку проекта ландшафтного парка. Она умудрилась найти аргументы против вырубки леса, с которыми не смогли поспорить даже депутаты.

– Никогда не думала, что моя дочь способна на подобное, – процедила Татьяна Ивановна, размешивая борщ так жаростно, будто планировала сделать из него суп-пюре. Рука возмутителя спокойствия все еще вольготно лежала на коленке ее дочери, и Татьяна Ивановна изо всех сил пыталась держать себя в руках.

– Ваша дочь способна на многое, – заверил ее «этот тип», как называла его про себя Татьяна Ивановна.

– Она всегда была упрямицей, – улыбнулся Андрей Вла-

димирович, за что тут же получил обжигающий взгляд от супруги. Однако он его проигнорировал. Иногда он мог быть удивительно нечувствительным к намекам.

– Упрямица – это не то слово, – рассмеялся Гончаров.

– А как вы познакомились? – спросила, не выдержав, Татьяна Ивановна.

– Мама! Мы же работаем вместе! – воскликнула Маша.

– Да, да, да, – отмахнулась мама. – Согласитесь, ваша... новость для нас была шокирующей. Вам не кажется, что все происходит слишком быстро? Сколько времени вы друг друга знаете? Сколько вам лет, Николай? Вы были женаты? У вас есть дети?

– Мама! – почти закричала Маша, но Николай невозмутимо подцепил из хлебной корзинки кусочек хлеба и принялся намазывать на него масло.

– Законный интерес, – пробормотал он. – Итак, отвечая по порядку, скажу, что я очень рад, что все происходит быстро. Возможно, в других обстоятельствах и с другой девушкой мне нужно было бы больше времени, но Маша – это настоящий бриллиант, и я не могу дожидаться дня, когда я смогу назвать ее своей женой.

– Да уж, бриллиант! – фыркнула Татьяна Ивановна, которую вся эта пламенная речь только еще больше разозлила.

– Мне тридцать два года, вполне подходящий возраст. Женат я не был, детей у меня нет.

– Подходящий для чего? – язвительно поинтересовалась

Татьяна Ивановна. – Вы хоть знаете, сколько Маше лет?

– Мама!

– Нет, пусть он скажет! – Татьяна Ивановна отбросила кухонное полотенце на поверхность рядом с кухонной раковиной и развернулась к Николаю. Повисла неприятная пауза, в ходе которой Маша отчаянно пыталась подсказать Николаю свой возраст, но сделать это под бдительным наблюдением матери было не так-то просто.

– Татьяна Ивановна... – начал было Николай, но та резко подняла руку.

– Не надо. Вы даже не знаете ее возраста, а уже решили жениться. Это все совершенно неприемлемо, и я понимаю Машу, она слишком молода, у нее в голове ветер гуляет. Но вы-то ведь взрослый мужчина. Маше всего двадцать три года! Какую жизнь вы для нее выбрали? Посадите дома? Вы старше ее почти на десять лет! Вам не кажется, что это слишком много? Почему бы вам не выбрать кого-то более подходящего вам по возрасту и по статусу?

– Мама, пожалуйста, перестань, – прошептала Маша, сдерживая слезы. Это была плохая идея рассказать им о свадьбе. Нужно было подождать, может быть, месяц, два, три. Или вообще, рассказать им о свадьбе уже после свадьбы. Познакомить их с детьми, а потом уже с мужем. Жить на два дома, делать вид, что ты все еще не замужем, – даже это сейчас казалось Маше легче, чем то, что происходило в их кухне.

– Таня, наливай борщ уже! – вклинился в разговор Ан-

дрей Владимирович, и эта фраза, такая абсурдная для раскаленной атмосферы кухни, привела всех в чувство.

– Спасибо, но я, пожалуй, сыт, – пробормотал Гончаров, поднимаясь с места. – Было очень приятно познакомиться. Надеюсь, не в последний раз.

– Коля, пожалуйста... – пробормотала Маша, но Гончаров посмотрел на нее так, что она сразу замолчала.

– Маша, проводишь меня? – скорее приказал, чем попросил он, и Маша тут же подскочила с места и побежала за Гончаровым в прихожую. Он шел быстро, но спокойно, а уже перед выходом остановился так неожиданно, что Маша буквально влетела в него. Он подхватил ее и помог удержаться на ногах.

– Ты редко смотришь, куда идешь, да? – улыбнулся он, нежно глядя на Машу.

– Они... не специально. Они просто очень удивлены, вот и все. Я... я поговорю с ними. Я постараюсь убедить их, что так нельзя. Нужно... как-то объяснить... – тараторила она.

– Маша, Маша, Маша! – Николай притянул ее к себе, взял за подбородок и заставил приподнять лицо. Его взгляд был очень серьезным. – Я понимаю, слышишь? Я все понимаю.

– Ты... не обижаешься? – спросила она взволнованно.

– Я просто не собираюсь сидеть и выслушивать это все. Они привыкнут – со временем.

– А если нет? – спросила вдруг Маша. Тогда Гончаров взял Машину головку в две ладони, приблизил ее к себе,

прикоснулся к ее губам сначала нежно, едва-едва прикасаясь, а затем поцеловал, захватив ее губы властно. Его руки удерживали Машу так, что она не могла даже вздохнуть. Она приоткрыла губы навстречу поцелую, и тут же Николай просунул язык внутрь, жадно, по-хозяйски заскользил по ее зубкам, коснулся ее языка. Его поцелуй был долгим, неторопливым и умелым. Машино сердце билось, как сумасшедшее, от одной мысли о том, что сейчас в коридор может выйти кто-то из родителей, но ее жениху на это было совершенно наплевать. Он обхватил Машу и прижал к себе, продолжая целовать, не отпуская, пока не почувствовал, как ее тело смягчилось и перестало сопротивляться, подчинившись его воле.

– Все будет хорошо, – прошептал он, но взгляд его оставался опасно серьезным. – В любом случае ты – моя. Ты понимаешь это? Скажи мне «да».

– Да, – Маша улыбнулась, приподнялась на цыпочки и поцеловала Николая в губы.

– Шалишь? – Николай взялся за ручку входной двери. – Я сейчас уеду, а ты побудь с родителями. Можешь сегодня не приезжать на работу. Между прочим, твоя мама затронула интересный вопрос.

– Какой? – спросила Маша, невольно любуясь мужчиной, о котором она совсем недавно даже не мечтала. Гончаров вышел на лестничную площадку и нажал кнопку вызова лифта. Где-то внизу механизм отозвался на это и покорно зажужжал.

– О том, какую жизнь я хочу для тебя после свадьбы.

– А как насчет того, какую жизнь я сама хочу? Разве это не мне решать? – возмутилась Маша, но Николай на это ничего не ответил и только посмотрел каким-то странно сочувствующим взглядом, значения которого Маша не поняла и вовсе. – Что?

– Ничего, – покачал головой он. Пришел лифт, избавляя его от необходимости что-либо объяснять. Николай зашел в него, а Маша подбежала и посмотрела с нескрываемым волнением.

– Ты чего-то недоговариваешь! – воскликнула она. Николай вздохнул и на несколько секунд задержался, не нажимая кнопку.

– Маша, освободи, пожалуйста, вечер пятницы, – сказал он обманчиво нейтральным тоном.

– Зачем?

– Мы пойдем в ресторан.

– Просто в ресторан? – сощурилась Маша.

– Да, просто пойдем в ресторан, – кивнул Николай. – Знакомиться с моей семьей.

И он нажал кнопку, оставив Машу переваривать информацию. Она совершенно забыла о том, что к ее жениху прилагается вся могущественная семья Гончаровых. Откровенно говоря, она вообще ни о чем не подумала.

– Маша, не стой на площадке, тебя продует! – Мама смотрела на Машу так, словно проблема сквозняка была единственной, о которой следовало беспокоиться. Маша обернулась к матери, будто впервые видела ее. Когда в мечтах Маша представляла себе, как будет выглядеть ее личное счастье, ее маленький «кошкин» рай, она ни разу не представляла себе маму, спрашивающую о сквозняке, вместо того, чтобы спросить о том, что действительно важно.

– Мама, он ушел!

– Я вижу, – невозмутимо ответила Татьяна Ивановна. – Идем обедать.

– Я не хочу обедать, – замотала головой Маша. – Я ничего не хочу. Почему нельзя было поговорить с ним по-человечески? Неужели так нужно было устраивать этот цирк?

– Неужели мы обязаны поставить в курс всех наших проблем весь дом? Зайди в квартиру, и мы поговорим, Маша, – мама говорила таким ласковым, таким ровным тоном, как если бы она разговаривала с террористом, держащим в руках кнопку от бомбы. Татьяна Ивановна и вправду боялась, что Маша сейчас сядет в лифт и убежит, и выкинет что-то еще. Поженится прямо завтра или передумает и решит жить каким-нибудь ужасным гражданским браком. Кто знает, что придет в эту милую головку?

– О чем, мама? – пробормотала Маша, чувствуя себя совершенно обессиленной. – О том, что он мне не подходит по возрасту?

– А ты считаешь, подходит? У нас с твоим отцом разница всего в один год, и ты знаешь, мы никогда не испытывали этой разницы поколений. Этот твой Николай – это же взрослый мужчина. Ты никогда не имела дела с такими.

– Мам, я никогда не имела дела ни с какими. Я его люблю!

– Ну вот. А я все думала, когда же я услышу это, – бросила Татьяна Ивановна так, будто Маша сказала какую-то несусветную глупость. – Да у тебя нет даже малейшего представления о том, что такое любовь. Идем домой, борщ остыл!

И Татьяна Ивановна развернулась, ушла обратно, уверенная в том, что Маша последует за ней. В первую минуту Маша хотела остаться. Из чистого упрямства она хотела так и остаться стоять посреди общего холла, в тапочках, в футболке, замерзая от вполне ощутимого сквозняка. Но делать это без единого зрителя было совершенно бессмысленно, к тому же Маша проголодалась. И устала. И не знала, что думать. Вчера, когда Николай сделал ей предложение на глазах у всего офиса, Маша чувствовала себя самой счастливой девочкой на свете. Но это было вчера, а сегодня все стало таким сложным. Разве настоящая любовь должна быть сложной? Столько вопросов без ответа!

– Когда это ты успела его полюбить? Еще вчера ты кричала, что знать его не хочешь? – ехидствует мама.

– А кто такой был этот Роберт, куда он делся? – задумчиво

спрашивает папа.

– А ты не задумывалась, почему этот Николай в свои тридцать два не был женат? А? Разве это нормально? – щурится мама.

– И потом, для чего такая спешка? Вы же даже не встретились? Он что, боится, что если ты узнаешь его поближе, то передумаешь? Может быть, поэтому он не был женат? – предполагает она. Маша сидит на табурете напротив полной тарелки кроваво-красного борща и молчит. Она ни на кого не смотрит, исследуя самым подробным образом линии на своих ладонях.

– И где вы собираетесь жить?

– Я не знаю. У него, наверное.

– Да? Отдельно, значит? Но ты же даже готовить не умеешь! У тебя же в комнате полнейший кавардак, Машка. Да он тебя просто выгонит!

– Не выгонит, – возразила Машка, которой, надо признать, до этого и в голову не приходило связать свою нелюбовь к уборке и потенциальное будущее своего брака. Для нее любовь все еще оставалась понятием исключительно приятным и дальше поцелуев не шла.

– Ты что, беременна? Он поэтому на тебе женится? – продолжала мама, оглядывая дочь с подозрением, выдающим в ней врача. – Мы же говорили с тобой о контрацепции, я тебе все подробно рассказывала. Ты не можешь винить меня ни в чем. Маша, почему ты молчишь?

– А что мне сказать?

– А ты проверяла его на СПИД?

– Мама!

– А он не мошенник? Ты уверена, что он – тот, за кого себя выдает? – этот вопрос уже задал папа.

Но мама его перебила:

– Сейчас столько разных венерических заболеваний ходит, ни от чего нельзя защититься. Вот у меня студентка со второго курса пришла, рассказала, что ее подруга, тоже со второго курса, подцепила хламидиоз. Так она даже не сказала своему парню, что подцепила хламидиоз. Знаешь, почему? Боялась, что он ее бросит. При том, что подцепила она его именно от этого парня. А потом они разошлись, и подруга начала встречаться с другим. И парень ее сменил несколько девушек. В итоге мы рассчитали пирамиду, она охватывает почти весь факультет. Не только второкурсников!

– Какую пирамиду? – спросила Маша, чувствуя, что еще немного, и она начнет биться головой об стол.

– Как какую? – возмутилась мама. – Инфекционную!

– Мама, почему ты мне это говоришь?

– Почему? А как я могу молчать? Ты моя дочь, ты связалась неизвестно с кем, я за тебя волнуюсь. Неужели так сложно понять?

– Да, мам, – устало пробормотала Маша. – Мне очень сложно понять тебя. Я выхожу замуж. Николай – очень хороший человек. Без хламидиоза.

– Как ты можешь быть уверена? – бросила мама.

– Я уверена. Чего ты хочешь? Мама, скажи мне прямо, чего ты от меня хочешь? **ЧЕГО ВЫ ВСЕ ОТ МЕНЯ ХОТИТЕ?** – Маша закричала, вскочила и бросилась к себе в комнату. Мама побежала за ней, но Маша была моложе и быстрее, она захлопнула дверь, защелкнула замок и прижалась затылком к дверному полотну.

– Машка, открой! Ты чего там задумала?

– Оставьте вы меня все в покое!

– Таня, оставь ее в покое, – голос отца звучал глухо, как из бочки. Маша закрыла глаза. На столе, среди кучи бумажек, завибрировал ее телефон. Она осторожно вытянула шею и бросила взгляд на экран. Николай. Его упрямое лицо, напряженные скулы, сомкнутые губы – Маша сфотографировала его, когда они гуляли по окрестным лесам вокруг поселка и разговаривали о жизни. Редкий момент. Гончаров пытался научить Машу водить машину, но справиться с тяжелой «Нивой» Маша не смогла. Зато... он признался ей в том, что она ему нравится. Зачем он звонит? Задать еще миллион вопросов, на которые Маша не сможет найти ответы? Вот это и есть Настоящие Отношения, вот это и есть взрослая жизнь. У нее есть не только любимый человек, у нее будут конфликты, и выяснения отношений, и заламывания рук, и мамины обиды, папины нервы, смешки младшего брата. Может быть, предложить Николаю поселиться на необитаемом острове? Может быть, он согласится ТАК видеть ее будущее?

– Маша, ты там что делаешь? – мама принялась стучать в дверь. Мария огляделась вокруг, затем нерешительно подошла к столу, расчистила место и включила компьютер.

– Работаю, – крикнула она.

– Что? – не поверила мама. Тогда Маша встала, подошла к двери, открыла ее так неожиданно, что маме пришлось отпрыгнуть назад. Без звука Маша развернулась и уселась на свое компьютерное кресло. Она загрузила планы поселка «Русское раздолье» и принялась рассматривать карту, которую ей любезно переслали из управы еще до того, как любимый мужчина сделал Маше предложение и все полетело вверх тормашками. Карта была необычной, технической, с расположением электрических сетей, кабелей, с геодезическими разметками и обозначением границ разных зон. Маше было необходимо тщательно сверить эту карту с имеющимися в ее распоряжении планами поселка и в особенности будущего ландшафтного парка, чтобы исключить опасность того, что парк зацепит что-нибудь недопустимое, какие-нибудь важные стратегические провода связи, какие-нибудь коммуникации или иные проблемные объекты.

– Ты всерьез хочешь меня убедить, что сейчас будешь работать? – спросила мама после того, как простояла за Машинной спиной битых пять минут. Маша кивнула, не оборачиваясь. Забавно, что именно работа оказалась единственным, что смогло успокоить Машу и вернуть ей уверенность в себе. Ее парк, дорожки, проложенные ею на бумаге, фона-

ри, расставленные ею в специальной программе, зоны, размеченные ею в соответствии со всеми новейшими тенденциями в парковой архитектуре. Суждено ли ей когда-нибудь увидеть эти дорожки под своими ногами? Каким будет их поселок, когда его перенесут с бумаги на тело земли? Депутат их области радостно кричал на всех углах о том, что готов помогать с муниципальным парком, но на деле он просто зарабатывал таким образом дополнительные баллы у населения и еще немножко умирал негодующих, коих хватало вокруг всего этого дела с поселком «Русское раздолье». У таких строек всегда масса недоброжелателей, особенно среди местных жителей. Чем еще их умасливать, как не обещанием красивого парка с кафетериями, аттракционами и сахарной ватой. Вот только Маша собиралась сделать все возможное, чтобы обещания воплотились в жизнь. Такие были ее планы.

– Маша, я просто не хочу, чтобы ты потом была несчастна, – сказала мама, присаживаясь рядом на стуле. Она некоторое время смотрела на картинки райского места, где в графике реализуются все человеческие мечты – милые домики с треугольными крышами, дым из труб, смеющиеся дети, слетающие с горки на санях. Русская мечта, доведенная до компьютерного совершенства умелой и талантливой рукой ее упрямой дочери.

– Я знаю, мама.

– Когда ты сама станешь матерью, ты меня поймешь.

– Думаешь? – грустно вздохнула Маша. – Ты не хочешь,

чтобы я была несчастна потом, но делаешь меня несчастной сейчас.

– Ты так это воспринимаешь? – огорчилась мама.

– А как еще мне это воспринимать? Ты поругалась с моим женихом. Завтра я поеду знакомиться с его родителями, а потом ты возьмешь и поругаешься с ними. А что, если я им не понравлюсь? К кому я приду с этим? Ты же скажешь мне, что ты меня предупреждала, мам! – Маша продолжала смотреть в экран, но глаза ее наполнились слезами. – Я совсем не так представляла себе любовь.

– Но ты действительно считаешь, что это – любовь?

– Ты совсем его не знаешь.

– Ты тоже, малышка, вот в чем дело, – тихо добавил папа, который, как оказалось, стоял в дверях. – Ты можешь пообещать нам с мамой, что эта свадьба... она хотя бы не завтра состоится, ладно? Дай себе время немного лучше узнать этого Николая.

– Почему вы думаете, что я изменю свое отношение к Коле?

– Ты уже изменила... к Роберту, – напомнила мама. – Разве нет? И не смотри на меня так, словно ты забыла, кто такой Роберт.

– Я не забыла, – пробормотала Маша и устало закрыла лицо руками. Роберта Левинского, главного архитектора их архитектурного бюро, она помнила очень хорошо. Его лицо, его тихий проникновенный голос, его манеру держаться так,

словно он наследный принц маленькой европейской державы. Его улыбку, ободряющую и теплую. Маша влюбилась в Роберта Левинского с той минуты, когда пересекла порог их фирмы. Она могла тогда часами смотреть на его фотографию и мечтать об эмпиреях, не имея представления о том, кто такой и каков на самом деле красивый, тактичный, прекрасно воспитанный и, несомненно, на редкость красивый мужчина – Роберт Левинский. В том-то и дело, что она не забыла, как Роберт Левинский подставил ее, чуть не разрушив и ее карьеру, и ее чувства, и ее достоинство. Все, чтобы прикрыть собственный позор. Оказалось, что Маша была влюблена в образ рыцаря, внутри доспехов которого была пустота. Но может ли мама быть права в том, что, ошибившись однажды, Маша может влипнуть снова, поверить в то, чего на самом деле не существует?

Может ли Николай Гончаров оказаться таким же, как Роберт? В конце концов, разве не смотрит она теперь так же на фотографию Николая? Что, если мама права? В это Маша отказывалась верить, ее душа восставала против самой идеи того, что Николай Гончаров способен на подлость. Но... что, если? Маша вздрогнула, услышав, как снова зазвонил ее телефон. Николай? Нет, хвала небесам. Это звонят из офиса, Юля, Машина новоиспеченная помощница. Маша обернулась – усталая после всех пережитых эмоций.

– Свадьба состоится не завтра. Папа, это я тебе обещаю.

Глава 3

Что нужно, чтобы узнать кого-то получше

Маша ждала утра, как манны небесной, и каково же было ее разочарование, когда вместо Гончарова за ней приехал его шофер на другой машине. Значит, они все же официально поссорились, без сомнений. Маша сидела на заднем сиденье и дулась, не в силах справиться с раздражением. Куда там, все кругом обижаются. У всех кругом мнение. Советами забросали так, что из-под них не выбраться. А Гончаров-то почему на нее обижается? На родителей ее – понятно, было за что обидеться, но она-то при чем? С другой стороны, подумаешь, спросили они его про разницу в возрасте. И что теперь? Машины с водителями присылать? Маша хотела было набрать номер Николая и высказать ему все, что думает о таких формах мести, но вовремя вспомнила, что вчера, вообще-то, не ответила на звонок своего вспыльчивого жениха.

На три звонка, если быть точной.

А она просто не знала, что ему сказать. Она была занята, выслушивала всякую чушь про инфекционные пирамиды. Разве может представить себе Николай, каково это –

быть дочерью двух почетных врачей России? Каково это, когда ты кашлянула или чихнула, тебе измеряют пульс, давление, смотрят склеры глаз, измеряют температуру, стетоскопом прослушивают легкие на предмет хрипов, просвечивают горло специальной лампочкой так, что никакой красноте не укрыться – и так каждый раз. Это если у тебя ОРВИ. Если же ты умудрилась порезаться на улице, тут все уже по полной программе. Стерилизация, антибиотики, прививки от столбняка. Повторные проверки. Просто удивительно, как Сашка выживает с его вечно разбитыми коленками. Видимо, как мама говорит, «зараза к заразе» не пристаёт.

– Николай Николаевич ничего мне не передавал? – спросила наконец Маша после долгих и мучительных колебаний. Любопытство всегда одерживало верх над представлениями о том, как следует себя вести.

– Нет, Мария Андреевна. Во всяком случае, мне он ничего не говорил. Можно позвонить в офис, – заботливо предложил шофер, но Маша покачала головой. Пришлось сидеть и битых два часа гадать, будет или не будет Николай на месте, когда они проскребутся сквозь утренний автостояк, как именовал пробку шофер, который почти все свои высказывания сдабривал перцем пошлости. Когда машина подобралась по тонким веткам загородных шоссе до ворот поселка «Русское раздолье», Маша уже устала волноваться и ждать.

– Открывай ворота! – крикнул шофер, останавливаясь

около будочки на въезде. – Чего сидите, как с девками в сауне.

– А почему ты знаешь, что нет? – ехидно спросил сонный охранник, явно досиживающий остатки ночной смены. Огромное поле, по которому Маша в свое время так неудачно перлась пешком по грязи, теперь значительно преобразилось. Компания Гончарова взяла от летнего сезона все, что можно, и почти на каждом шагу приходилось объезжать трактора, кучи с песком или щебнем. Первые линейки домов, лубочно-показательные, совершенно неестественные на фоне всеобщей грязи и строительства, стояли в квадратах аккуратно скошенной газонной травы. Около новенького здания офиса, куда вот-вот должны были переехать все менеджеры и сотрудники поселка, разместилась также казавшаяся тут странной, ни к селу ни к городу, детская площадка. Откуда взяться детям, когда тут только-только дороги асфальтом покрыли, да и то пока техническим, чтобы через год все равно переделать заново. Большегрузы с бревнами, пеноблоками, бетономешалки, огромные круглые кузова с дизельным топливом – чего только не разбивало техническую дорогу в лоскуты.

Зарождающийся рай выглядел не слишком-то привлекательно, но это было куда лучше, чем то, что Маша помнила в самом начале. Однако самое главное происходило не тут, под асфальтовыми катками и монтажными кранами. Реаль-

ный бизнес решался на бумаге.

– Маша, привет! – из обнесенного белым сайдингом домика – старого офиса, из которого они собирались переезжать, выбежала Юля. – А я тебя жду. Звонил...

– Николай? – воскликнула Маша с недостойной поспешностью. Юля помотала головой.

– Звонил этот мужик из управы. Просил новые планы переслать, а у меня – только старые есть. Новые – это с разметкой по электричеству?

– Я тебе все сейчас переброшу, – кивнула Маша и нехотя, потихонечку, но перешла в деловой режим, в котором и пребывала до самого обеда. Нет, Николай так и не появился, и Маша была уже близка к тому, чтобы набрать его чертов номер. Перед обедом в кабинет Маши постучалась Юля.

– Маша, там это... Роберт приехал.

– Роберт? – вздрогнула Мария. – Зачем?

– Ну, как сказать... Он у нас как бы главный архитектор поселка, понимаешь, – Юля закатила глаза и глубоко вздохнула. – Вот и приехал.

– Я имею в виду, а почему не предупредил?

– А должен был? – раздался голос из-за двери.

Маша тут же покраснела и вытаращилась на Юлю, всерьез усомнившись в правильности решения взять Юлю в помощники. Нет, Юля была хорошим чертежником, она четко и правильно выполняла все поручения и имела инженерное

образование помимо дизайнерского, что делало ее в поселке почти незаменимой. Но что касалось человеческого общения, такие вещи, как такт, субординация и чувство правильного момента, были Юле совершенно незнакомы. Честно говоря, когда Мария объявила о своем выборе помощницы, в их архитектурном бюро удивились все, включая Степochку, лучшего друга Маши, программиста, Бориса Яковлевича Щучку – ее тогдашнего реального, а теперь чисто номинального босса. Да и сама Маша была удивлена, но не тем, что взяла с собой Юлю, а тем, каким сильным бывает порой чувство вины. Ведь именно из-за него-то Маша Юлю и наняла. Из-за того, что почти все лето Маша считала Юлю негодяйкой, чуть не разрушившей Машину карьеру, в то время как негодяем был Роберт Левинский.

– Роберт! – с фальшивой радостью воскликнула Маша, беспомощно наблюдая за тем, как высокая стройная фигура Роберта материализуется у нее в кабинете. Он держался, как всегда, с достоинством и выдержкой. Темно-серые зауженные брюки, идеально чистые, сияющие коричневые ботинки. В руках такого же оттенка кожаный портфель и тонкая трость зонта. Маша уже успела забыть, каким «Шерлоком Холмсом» может быть ее Роберт. – Какой сюрприз!

– Думаешь? – он улыбнулся примиряющей улыбкой. – Я ненавижу сюрпризы. Я звонил вам сюда, но ваш секретарь, по-видимому, не считает нужным передавать информацию руководству.

– Я – руководство! – улыбнулась Маша и расправила плечи.

– Вот именно, – кивнул Роберт. – Поэтому-то я к тебе, с докладом.

– Да ты что, это как-то даже неправильно, – растерялась Маша. – Может быть, тебе Юля может помочь? Ты хотел объект осмотреть? Она тебе все покажет и все расскажет.

– Хотите верьте, хотите нет, но у меня есть кое-какие вопросы, на которые, я боюсь, только вы, Мария Андреевна, можете ответить. Хотя мне и очень неудобно отвлекать вас от дел, – и он развел руками, словно демонстрируя собственное бессилие. Даже сейчас, когда Маша прекрасно знала, как мало соответствует эта прекрасная упаковка внутреннему содержимому, она невольно реагировала на выверенный стиль, на безупречную вежливость и эту странную манеру себя вести. Принц в изгнании. Да уж, было во что влюбиться.

– Раз так... – пробормотала Юля. – Ты мне выслала чертежи?

– Да, выслала, – кивнула Маша, и Юля убежала к себе. Роберт снял тонкий белый свитер и остался в плотной рубашке цвета мокрого асфальта. Он набросил свитер на плечи, затем раскрыл портфель и стал передавать Маше чертежи и планы коммуникаций, согласованные с инженерными службами.

– Ты не поверишь, но я даже от газовиков все забрал! Загородный рай напрямую зависел от того, в каких отношениях строительная компания находится с местными энер-

гопроводящими службами. Сколько поселков стояло огороженными красивыми заборами, с домами и местами под спортивные площадки, но мертвыми, так и не оживленными прикосновением газового огня.

– Это просто отличная новость. Особенно для Семеныча! – обрадовалась Маша.

– Семеныча? – Роберт склонил голову в удивлении.

– Наш прораб, – пояснила Маша. Планы были нужны еще вчера. Но и сегодня было не поздно.

– У вашего Дона Корлеоне хорошие связи, – улыбнулся Роберт. – Покажешь мне, где поставили насосы?

Они вышли вместе, Маша подцепила с вешалки ключи от их общей «Нивы», протянула их Роберту. Это было так странно – сидеть с ним рядом в тряской машине, знать о том, что случилось на самом деле, но делать вид, что ничего не случилось, ничего не произошло. Он – главный архитектор, Маша – куратор на объекте. Чисто профессиональные отношения. Смотрим насосы. Сравниваем извилистые траншеи, залитые грунтовой водой, с запланированными на бумаге.

– Маша, почему ты меня не выдала? – спросил Роберт, стоя около новеньких модельных домиков, чудесно пахнущих свежеструганным бревном. Маша замерла, она не знала, что ответить на этот вопрос, хотя и пыталась представить себе этот разговор много раз. Черт знает, сколько раз. И – черт знает, почему она его не выдала.

– Ерн... Мы обязательно должны это обсуждать? – Она отвернулась и пошла ближе к высокому двухэтажному дому, совсем недавно законченному строителями. Роберт последовал за ней, ему все равно нужно было осмотреть строение. Лично Маше именно этот дом нравился больше всего, а уж за время работы над проектом и парком Маша насмотрелась на домики – большие и маленькие, нарисованные и реально стоящие в каком-нибудь поселке, деревянные и каменные, безвкусные и изящные, дорогие и попроще. Этот был как раз таким, в каком Маша хотела бы жить сама.

– Я думаю, я должен тебе дать объяснение. Это как минимум, – прошептал Роберт, подойдя почти вплотную к Маше. Так близко, что она снова почувствовала аромат дорогой туалетной воды, который не так давно сводил ее с ума. Она даже чуть было не купила себе такую, просто чтобы стояла дома, чтобы иногда можно было распылить по воздуху немножко воспоминаний. Можно ли быть такой дурой?!

– Ты мне ничего не должен, – Маша отступила в глубь просторной гостиной, и звук ее шагов гулко прокатился по пустой комнате.

– Это не так. Я обязан тебе карьерой. Я хотел бы знать, почему ты меня не выдала, – Роберт стоял на месте.

– Я тоже хотела бы знать почему? Почему ты решил спалить меня, Роберт? – все-таки Маша не сдержалась, и ее кулачки сжались сами собой. – Ты же удалил все файлы!

– Я сделал это, да, – кивнул Роберт. – Я просто не знал,

как еще поступить. Это была... глупость, наверное.

– Глупость? – чуть не задохнулась от возмущения Маша. – Ты уничтожаешь проект, над которым я работала полгода, по которому у меня видеопрезентация была готова: трехмерная графика, виды, ракурсы. Меня размазывают по стене. Я – растеряша года, я потеряла целый проект. Меня почти уволили. А ты говоришь мне, что это была глупость?

– Нет, Маша, нет. Это была подлость, – грустно покачал головой Роберт. От такого заявления Маша буквально потерялась. Что сказать человеку, полностью признающему свою вину?

– Что ж, я даже не буду спорить!

– Глупостью было то, что я решил использовать работу Аделы, – добавил Роберт. – В какой-то степени я хотел, чтобы ее проект жил, понимаешь? Она относилась к нему так... легко. Отбросила в сторону, и все. Адела – она никогда не задумывается о карьере.

– Адела Юханнсон, – пробормотала Маша.

– Как ты узнала о ней? – пораженно спросил Роберт. – Ты никогда не интересовалась шведской архитектурой.

– Это не важно. Я увидела ее фотографию на заставке твоего компьютера. Мне показался знакомым... стиль.

– Да, стиль. Ее неповторимый стиль. Чудовищная глупость. Я понял это, когда уже было поздно. Я не хотел подставлять тебя. Маша, ты должна мне поверить, я собирался сделать все, что можно, чтобы тебя не уволили. Это смотре-

лось так естественно. У тебя всегда был кавардак в делах.

– Не в делах! – возмутилась Маша. – На столе, да, может быть. Но не в делах.

– Я знаю это... теперь.

– Что ж...

– Скажи, почему ты помиловала меня? – попросил Роберт, и на секунду Маша почувствовала то, что было раньше. То, как загоралась она от одного звука этого тихого вкрадчивого голоса. Его естественное, природное обаяние и достоинство так легко принять за симпатию. Трудно поверить, но точно так же Роберт улыбается, протягивая таксисту деньги за проезд.

– Все, что разрушилось, уже разрушилось к тому моменту, – пожала плечами Маша. – Я не видела смысла разрушать что-то еще.

– Это все? – удивился Роберт.

– А еще – ты действительно сделал все, чтобы спасти меня. Вот только... – Маша прикусила губу. – А что бы ты делал, если бы Щучка не стал давать мне никакого второго шанса? Что, если бы на том совещании, когда я потеряла все файлы, он просто выкинул бы меня на улицу, Роберт? Ты бы просто забыл обо мне, верно? Ну, может быть, немного огорчился.

– Маша! – воскликнул он, но Маша только замотала головой и пошла к выходу. Ей больше не хотелось разговаривать, слишком все это было противно. Она уже забыла, ка-

кими унижительными были первые недели, как металась она, чтобы восстановить потерянную работу.

– Я бы никогда не смогла так спокойно столкнуть человека в пропасть! – крикнула Маша, стоя на крыльце. Роберт выскочил за ней, схватил ее за руку, попытался удержать, но Маша вырвалась и отвернулась. Она смотрела вдаль, на поле, по которому, как луноходы, медленно катились трактора.

– Я знаю, Маша. Потому-то ты этого и не сделала, да? Я приехал сказать, что я ценю это. Очень ценю. Моя работа для меня – это все. Но если ты скажешь, я напишу заявление об уходе сегодня же.

– Я бы не стала просить тебя... – Маша растерялась, она не ожидала такого поворота. В какой-то степени она уже смирилась с тем, что случилось. Кто старое помянет, тому глаз вон.

– Я знаю, ты не стала бы, – Роберт взял Машины руки в свои. – Ты слишком добра, слишком хороша, и я не видел этого, и теперь я сполна наказан. Наказан тем, что ты тут, а не там, со мной. И больше не смотришь на меня восхищенными глазами, в которых столько жизни, столько огня.

– Роберт, не надо, – прошептала Маша, отступая назад. Если бы не ограждение крыльца, она бы грохнулась в грязь, что было бы не в первый раз, если уж быть до конца честной.

– Нет, надо. Я прекрасно знаю, чего я лишился, поверь. Я хочу, чтобы и ты знала – я восхищаюсь тобой. И тем, что ты делаешь, всей этой историей с парком. Я уверен, что ты

его поставишь, и потом, спустя годы, люди будут гулять по нему, даже не представляя, как много ты для этого сделала.

– Почему? – возмутилась Маша, невольно улыбнувшись. – Вдруг они вывесят табличку?

– Гранитную? – усмехнулся Роберт.

– Да, такую, где был бы мой профиль. И напишут что-нибудь типа «здесь была Кошкина».

– Кто знает, – кивнул он.

– Нет, не повесят. Скорее уж, повесят того депутата, которого я сейчас уговариваю разрешить этот парк в принципе.

– Думаешь, у тебя это получится?

– Честно? – Маша облокотилась на перила крыльца и задумчиво посмотрела Роберту в глаза. – Не уверена. Кругом столько лжи, и каждый отслеживает только собственный интерес. Каждый хочет получить как можно больше славы, а вот выделять деньги на парк не хочет. Никто не хочет заниматься рутинной, собирать подписи, решать вопросы, от которых кто-то обязательно окажется в проигрыше. Потому что всем не угодишь.

– Это в точку. Всем не угодишь, – кивнул Роберт. – Маша, я еще приехал, чтобы сказать, что... что...

На секунду Маше показалось, что сейчас Роберт признается ей в любви. Ее голубая мечта, и даже обстоятельства вполне романтичные, не хуже, чем она могла нафантазировать, лежа в своей постели и обнимая плюшевого медведя.

Кругом лес, над ними – тяжелые небеса, полные слез, но от теплой земли тянется туманная дымка. Как же не нужно ей было теперь его признание.

– Не надо ничего говорить.

– Нет, надо. Ты всегда можешь на меня рассчитывать, Маша. Если что-то понадобится. Что угодно. Даже просто поговорить. Я совершил ошибку, но я ее не повторю. Ты мне веришь? Хотя немножко? Ведь ошибку может совершить каждый.

– Ошибку может совершить каждый, – согласилась Маша.

– Я помогу тебе с парком. У меня есть кое-какие связи. Скажи, в чем вопрос, и мы все решим.

– Все решим? – рассмеялась Маша. – Ладно, я буду иметь в виду. Сейчас, если честно, все идет по обозначенному плану. И я собираюсь встречаться с архитектором из Сочи как раз сегодня вечером.

– И ты собираешься выйти замуж за нашего Дона Корлеоне? – Роберт буквально огорошил Машу этим вопросом, настолько странным и неуместным он был. Повисла пауза. Маша лихорадочно пыталась придумать ответ, которым она одновременно дала бы понять, что, во-первых, это не его, Роберта, собачье дело, за кого Маша выходит замуж. А во-вторых, да, собирается. И чего тут странного? Почему все ее переспрашивают так, словно она совершает прыжок с самолета без парашюта? Почему никто не поздравляет ее и не спра-

шивает, где она собирается провести медовый месяц?

Да потому что никто не может поверить, что Николай Гончаров решил взять в жены какую-то невзрачную, совершенно обычную, мало чем примечательную девушку. Потому что – зачем она ему?

– Маша, я только хочу быть уверен, что ты будешь счастлива. Ты заслуживаешь счастья, понимаешь?

– Нам пора возвращаться. – Маша отвернулась, так и не придумав ничего лучше.

– Не обижайся. Я хочу быть уверен, что твое решение не случайно.

– Почему? Зачем тебе это? На что это повлияет?

– На многое, – сказал он тоном, который Маше совсем не понравился. Роберт сделал шаг вперед, и Маша испугалась, потому что ей показалось, что сейчас Роберт попытается ее поцеловать. Она отступила и сделала вид, что ищет телефон, что ей срочно нужно проверить что-то в почте. Роберт насмешливо смотрел на ее нелепые движения, а затем кивнул.

– Поехали назад. Не стоит задерживаться, у тебя и без меня полно дел. – И он отвернулся, пошел обратно к «Ниве». Что, если он реально попытался бы ее поцеловать? Этого только не хватало – поцелуев Роберта. И вовсе не потому, что Маша не уверена в своих чувствах. В них она уверена, как в том, что за ночью настанет день. На сто процентов. На

двести. Вот только почему Николай не позвонил ей за весь день ни разу? Не важно. Маша развернулась и решительно села в машину.

Николай не звонил, потому что злился на нее. Почитай, что весь день только и делал, что злился. За то, что Маша забыла рассказать родителям об их помолвке. Какая невеста ЗАБЫВАЕТ о таком? И за то, что она не ответила на его звонок. На три его звонка. И за то, что прямо сейчас он уже битый час наблюдал издалека, как его верная и любящая невеста эмоционально разговаривает о чем-то с Робертом, с ТЕМ САМЫМ Робертом, в которого была так долго влюблена и с которым, по ее же собственным словам, все было кончено.

Кончено, как же! Он прямо видел своими глазами, как они бегали то в дом, то из дома. Но когда Гончаров увидел, как Роберт хватается Машу за руки и практически прижимает к себе, что-то взорвалось у Николая внутри, и холодное бешенство заставило его развернуться и уйти, не досматривая этот фарс до конца. Даже если они только попрощались, даже если это ничего не значило. Маша была слишком юной, слишком наивной и романтической, чтобы Николай решился выдать ей полный карт-бланш. Доверие – валюта, на которой легко прогореть. Он не мог, не хотел и не планировал так рисковать. Эта девушка – она зацепила его за живое, она была другая, совсем не такая, как все, с кем Николай при-

вык иметь дело за все годы. А видел он немало, и улыбок, и откровенных приглашений в постель, и любви, построенной на товарно-денежных отношениях. Он знал людей, а Маша – нет.

Что затеял этот слизняк Роберт? Маша улыбается и что-то долго с воодушевлением втолковывает этому чертову архитектору, считая его вполне безобидным. Она всех считает безобидными. Она даже самого Николая считала безобидным, белым и пушистым. Но он не был таким. Говоря по правде, он никому, кроме Маши Кошкиной, даже *не казался* таким. Николай хорошо знал, что в этой ситуации ему следует что-то предпринять, чтобы защитить свои интересы, защитить свою тревожную любовь. Как и чем оградить себя и свою невесту от любого потенциального риска – об этом следовало подумать. Одно ясно точно – Николай Гончаров был не из тех людей, которые стали бы терпеть что-то подобное.

Глава 4

Призрак Роберта

Поселок проявлялся на земле, как фотография – в проливителе на старой пленке. Поле блестело после дождя, и все казалось немного ярче, чем было на самом деле из-за этой влажности. Темные кучи выкопанной земли темнели сильнее на обочинах еще не везде уложенных дорог. Нескормленная трава на пустующих участках благоухала, а там, где стройка уже началась, суетились строители в синих форменных комбинезонах. Ближе к новому офису, отделанному светло-бежевым камнем, строительство шло полным ходом. Там рождалась первая очередь домиков, дуплексов и линейчек по пять-шесть квартир, ее строили с поразительной скоростью, чтобы было чем пускать пыль в глаза потенциальным покупателям. Прошли те времена, когда было достаточно повесить на забор красивый плакат с описанием будущего счастья, народ нынче пошел недоверчивый да опасливый, и это чувствовалось в том, с какими лицами они ходили по поселку, какими вопросами пытали менеджеров по продажам. Все спешили жить – здесь и сейчас, и если и соглашались ждать, то только ради того, чтобы получить за свои деньги больше, чем они на самом деле стоили.

Маша ждала Гончарова весь день, но он появился только под вечер, сухо напомнил Маше про пятничный ужин, сослался на дела и уехал. Ах да, еще он спросил, не было ли чего важного, о чем он должен знать.

– Что ты имеешь в виду? – переспросила Маша, смутно чувствуя себя виноватой в том, что не стала рассказывать Гончарову о Роберте. Она говорила себе, что просто не хочет нервировать своего жениха. М-м-м... жениха. Это слово так странно было произносить, даже про себя. Итак, она просто не хотела его нервировать. Так и запишем.

– Тебе дозвонился архитектор из Сочи? – уточнил Гончаров, рассматривая Машу пристально, внимательно, будто с каким-то подозрением. Или это ей только показалось?

– Да, конечно. Мы уже назначили встречу на следующую неделю.

– Кто это мы? – спросил Николай, заставив Машу напрячься.

– Мы – я и Жанна.

– Жанна? – отчего-то опешил Николай.

– Архитектор из Сочи, – пожала плечами Маша. – Ты же про нее спрашивал?

Николай помолчал несколько минут, затем кивнул.

– Больше ничего?

– Как это ничего? – возмутилась Маша, чувствуя, как на-

чинает закипать оттого, насколько сухо и профессионально ведет себя с нею ее так называемый жених. Даже не поцеловал ни разу! – Да полно всего. Нужно изменить план внешнего забора.

– Это еще зачем?

– Понимаешь, мы заранее запланировали дополнительные входы в парк, но ведь с внешней стороны вход в парк будет совершенно свободным, а это значит... Войти сможет кто угодно!

– Да-да, я понял, заходи, кто хочешь, бери, что хочешь. Ладно, это легко. Просто убираем ворота с внутренней стороны, и все.

– И все? – возмутилась Маша. – То есть жителям «Раздолья» придется идти через весь поселок, выходить из него, идти до дороги и только потом оказываться в моем парке?

– А что? Хорошая прогулка, – уперся Гончаров просто потому, что до сих пор злился. Маша так и не сказала ему, что Левинский приезжал к ней. Почему не сказала? Скрывает что-то? Старая любовь так и не прошла до конца?

– Прогулка? Пойдем, пройдемся и прогуляемся – пять километров! – Маша окончательно взорвалась, но Николай, чуть прихрамывая, пересек помещение и вышел из кабинета. Маша так и осталась стоять там, одна, безо всякого представления о том, что же только что произошло. Ей запретят сделать дополнительный выход? Какой абсурд! И что насчет сегодняшнего вечера? Они не собираются проводить его вме-

сте, как она поняла. Хотя понять Николая было совсем не так просто. Мог он настолько взбеситься из-за того, что Маша забыла рассказать родителям об их помолвке? И если да, то что это говорит о его характере? Ничего хорошего, на самом деле.

– Маша, тебе там звонят, – заглянула в кабинет Юля.

– Что? – обернулась к ней Маша.

– Ты мобильник у меня на столе оставила, – пробормотала Юля, а затем подошла ближе. – Ты в порядке? Что-то случилось?

– Я... я не знаю, – растерялась Маша. – А кто звонил?

– Я не посмотрела, – покачала головой Юля и протянула Маше телефон. Звонил Степочка, ее старый друг, тот самый, кто в свое время помог только что окончившей институт Маше устроиться в архитектурное бюро. Сколько было надежд, сколько всего хотелось достичь, покорить. А теперь Маша чувствовала себя старой мудрой черепахой Тортилой. Очень грустной черепахой. Маша набрала Степочкин номер.

– Ты где? – тут же спросил он. Степка вообще все разговоры начинал с этого вопроса, словно ему, сидящему в своей операторской в окружении проводов и серверных блоков, было экстремально важно отметить географическое положение человека, с которым он собирался разговаривать.

– Я в печали, – ответила Маша честно.

– Понятно. Что ж, нормальное чувство, если выходишь замуж за Гончарова. Я так думаю.

– Ты не одобряешь? – удивилась Маша.

– Если бы мое мнение что-то значило... – пространно ответил Степочка. – Ты пойдешь с нами вечером играть в «Мафию»?

– Ой, это же сегодня? В принципе... почему бы и нет. Я только завтра занята, потому что у меня ужин с родителями Гончарова, а я не думала даже, что они у него есть, – пожаловалась Маша. – Он же совершенно взрослый мужчина, понимаешь. Откуда я знала, что мне придется производить впечатление на его маму? Или папу? Или бог его знает еще кого! Я не уверена, что в состоянии справиться с самим Гончаровым.

– Машка, ты скажи, ты реально собираешься за него замуж? – тихо и вкрадчиво уточнил Степочка.

– Ты тоже считаешь это глупостью?

– А я не одинок?

– Что такого неправильного в Николае? – взмахнула руками Маша.

– Так, давай по порядку. Насколько я помню, все наши сотрудники прячутся, когда в офис приезжает Гончаров. Потому что он может уничтожить любого одним щелчком пальца. Он известен как крайне жесткий бизнесмен, который всегда получает то, чего хочет. Ведь не так же просто его называют Доном Корлеоне. Я так понимаю, сейчас он хочет тебя.

– Да ты целый поиск провел, да? Он не просто хочет меня, он берет меня в жены. В жены, Степ! – возразила Маша. – Что в этом плохого?

– А мы пока не знаем. В том-то и дело, что мы пока не знаем всего. У него были жены до тебя?

– Вроде нет, – пожала плечами Мария. – Но я не знаю точно.

– Это – вторая причина. Ты почти не знаешь его, а он – тебя. А я тебя знаю хорошо и скажу тебе прямо – я обеспокоен. Он старше тебя на десять лет!

– Теперь ты звучишь в точности как моя мама, – фыркнула Маша.

– Так ты едешь играть в «Мафию»? Или у тебя и твоего жениха есть другие планы? – Степочка сам не знал, на какую большую мозоль только что наступил. Никаких планов на вечер у Маши не было, а Гончаров уехал с поля, даже не поцеловав ее ни разу. Вообще, он вел себя именно как жесткий работодатель, а не как влюбленный мужчина, и это пугало Машу. А что, если родители правы?

Именно из-за всего этого в восьмом часу вечера Мария Кошкина уселась за большим круглым столом в одном московском кафе, окруженная старыми друзьями, готовая отстаивать честь мирных граждан, если потребуется. Или биться до последнего патрона, если доведется попасть в ряды криминалитета. И надо было признать, впервые с тех пор, как

Маша встретила Николая Гончарова, ей удалось снова почувствовать себя самой собой – молодой, беспечной девчонкой, мечтающей о безоблачном будущем.

– Город засыпает, – сказала Соня, Машина одноклассница, которая в свое время помогала Маше отбиваться от бушующего гнева родительского – когда те узнали, что не быть Маше Кошкиной даже терапевтом. – Просыпается мафия. Мафия открывает глаза, знакомится.

В первом раунде Маше досталась роль мирного жителя, и с наступлением ночи она покорно закрывала глаза и скучала, думая о том, что вся эта история с предложением руки и сердца – сложная и запутанная. Если у них с Гончаровым любовь – то где он? Почему не звонит?

Во втором раунде Маша тоже была мирной, но не обычной, а комиссаром. Это более интересно. Следить за людьми, задавать им вопросы, притворяться неизвестно кем, чтобы потом, ночью, проверить тех, кто показался ей подозрительным... Маша вычислила одного члена мафии, но споткнулась на остальных двоих. Криминальные личности, Степочка и Ромик, паренек, живший в том же доме, что и Степочка, только в другом подъезде, вычислили Машу, и мафия победила. Степка хохотал, «мирные» изображали возмущение и высказывали Маше претензии за то, что она не «вскрылась» еще до того, как ее «грохнули».

Только после этого Маша вспомнила, что поставила телефон в бесшумный режим на время игры. Она сделала так совершенно автоматически, привычка – вторая натура. Телефон лежал на дне рюкзака, и Маша даже подумала оставить все как есть, не доставать его, не смотреть на то, сколько уже времени и, тем более, кто звонил. Но надежда на то, что Николай сменил гнев на милость, не оставляла ее.

– Машка, ты идешь? – крикнул Ромик, когда Маша копалась в своем объемном рюкзаке, выискивая скользкий аппарат.

– Машка разозлилась, что она все время мирная, – усмехнулся Степочка. – Невеста мафиози не может быть комиссаром, да, Маш.

– Отстань ты! – возмутилась Маша, глядя на пустой экран. Ни одного пропущенного вызова. Настроение моментально ухудшилось, и захотелось оказаться где-то в другом месте, чтобы всех этих людей рядом не было. Просто остаться наедине с самой собой, не отвечать ни на чьи вопросы, ни на чьи едкие комментарии. Заплакать. Проплакать всю ночь. Попробовать представить свою жизнь без Николая Гончарова. Маша нажала на кнопку отключения, сердце гулко ухнуло и заколотилось чаще – на те несколько секунд, что телефон умирал, раскручивая сигнал отключения на темном экране. Прожить остаток вечера, не думая о том, что Нико-

лай не звонит, – это стоило того, чтобы отключить телефон.

– Что, пропал? – спросил вдруг Степочка, с сочувствием глядя на Машу. Она вздрогнула и на секунду задержала дыхание, чтобы не расплакаться. – Хочешь, я тебе коктейль куплю?

– Коктейль? Зачем? – опешила Маша. Степка покачал головой, протянул Маше карту, вложил ее в руки со всей возможной аккуратностью, чтобы, не дай бог, не дать кому-то увидеть. Маша посидела несколько секунд, прижимая карту к коленке, а затем аккуратно перевернула – буквально на мгновение – и замерла, стараясь подавить сердцебиение. Хорошо, что она уже была покрасневшейся от волнения, и можно было все списать на это.

Потому что она была главой мафии.

– Держи свой «Секс на пляже», – усмехнулся Степочка, протягивая Маше высокий бокал с какой-то бело-сливочной жидкостью. Это была Пина колада, но Степочке это было скучно, поэтому он принялся шутить про то, что мирные граждане в их городе что-то стали слишком много пить.

– Такая нынче в нашем городе политическая обстановка, – пробормотала Маша, пытаясь взять себя в руки. Не так уж и часто ей удавалось поиграть «мафией», и это было волнительно и отвлекало – здорово отвлекало от всего осталь-

ного.

– Каждый народ заслуживает своего правителя, – усмехнулась Сонечка и посмотрела пристально на Машу. – Ты мафия, Кошкина?

– Я – нет, – покачала головой она. – Я просто горожанка с разбитым сердцем, к тому же пьющая. – И она демонстративно отпила из бокала чуть ли не половину. Сонечка отвернулась и принялась задавать тот же самый вопрос Степе, Ромке и другим ребятам за столом. Маша наблюдала за реакциями, пытаясь вычислить, кто кого уже заподозрил и в чем и насколько их подозрения не беспочвенные.

Игра в «Мафию» всегда больше объединяла тех, кому предстояло врать и укрываться. На некоторое время люди, объединенные красной меткой в их карте, становились ближе друг другу, начинали понимать друг друга с полуслова, защищать друг друга от нападков других. Порой ценой собственной жизни – игровой, конечно.

– Город засыпает, – объявила Сонечка, но на этот раз, даже закрывая глаза, Маша продолжала игру, и, когда пришло время, ее глаза открылись и загорелись опасным блеском. Пришло время убивать.

Они заигрались. Не в первый раз. И, в конце концов, все они уже давно не дети. Кое-кто уже сам женат. К примеру,

Сонечка даже успела развестись к своим двадцати трем годам. Так что, если уж у тебя в паспорте стоит штамп о разводе, ты можешь засидеться в кафе до двенадцати с лишним часов. Маша пила «коктейли пряные» и не ждала новостей. Она играла в новую для нее игру, которой она не дала никакого названия. Она пыталась делать вид, что никакого Гончарова нет на свете и никогда не было. И что она совершенно одна, одинока и свободна, никогда не попадала в ловушку притягательного взгляда темных глаз. Телефон был отключен, и можно было дышать свободнее, не ожидая звонка каждую секунду.

Любовь оказалась чертовски болезненной штукой, и Маша только-только начинала понимать это. Все прошлые ее страдания и «страсти по Роберту» теперь казались картонными, как потемкинские деревни. Она никогда не испытывала такого физического страха, что ей не позвонят. Ужаса настолько ошутимого, что для противостояния ему ей пришлось отключить телефон и отключиться самой – посредством коктейлей.

Чего еще он мог хотеть от тебя? Что между вами общего? Ты совсем его не знаешь!

Маша добиралась до дома пешком. Степа хотел проводить ее, но ночь была теплая, и Маша совсем не хотела домой. К

тому же коктейли сделали ее куда смелее, чем обычно, и Степа отступил, зевая. Маша брела по тротуару, проходя мимо темных окон своего длинного дома, пересчитывая подъезды, вспоминая момент, когда оставшиеся члены «Мафии» – она и мальчик Дима, которого она почти не знала, вскочили и принялись вопить от радости. Они победили, они обманули всех. Все поверили в Машину честность. Дима старательно отводил от нее подозрения, а она, в свою очередь, путала оставшихся жителей их города. Лжецы победили Рыцарей, и вкус победы еще ощущался на губах, как память мышц после долгого хохота.

– Ты хотя бы понимаешь, что я пережил? – услышала Маша, проходя мимо арки, пробивающей их дом насквозь прямо по центру. Маша чуть не споткнулась, услышав голос. Ей показалось, что это Николай, но откуда бы ему взяться тут посреди ночи? Маша остановилась, а затем неуверенно пошла дальше на неустойчивых ногах. Вот же дожила, допилась, всюду ей теперь Гончаров мерещится.

– И куда ты направляешься, скажи на милость! – на этот раз голос был совершенно четким и ясным.

– Николай? – пробормотала Маша, озираясь по сторонам. Через секунду или две, к ее изумлению, возник Гончаров собственной персоной. – Откуда ты тут взялся?

– Допустим, из машины, – сухо ответил он, и в темноте его глаза опасно блеснули. – Гораздо интереснее то, что ты

делаешь тут одна посреди ночи. И в таком состоянии.

– Я иду домой! – громко заявила Маша. – Я ни в каком таком состоянии.

– Это я уже заметил. Ни в каком таком состоянии ты не должна ходить по улице одна даже днем. Где ты была?

– Какая разница? – возмутилась Маша. – А ты? Где ты был?

– В каком смысле? Я работал, был в офисе. Маша, если ты мне немедленно не объяснишь, где ты была, то я... то я...

– Что ты? Еще больше НЕ будешь мне звонить? Снова сделаешь вид, что меня не существует? – и Маша фыркнула, развернулась и направилась в сторону дома.

– Ты отключила телефон! Что я должен был думать? Может быть, ты была с кем-то и не хотела, чтобы я тебе помешал? – Николай схватил Машу за рукав ее тонкой ветровки в белый горошек, но Маша вырвалась и повернулась к нему.

– Я отключила телефон, потому что больше не могла этого терпеть.

– Терпеть чего? – прорычал он. – Это не ты, а я тут торчу уже третий час. Тебя не было дома до часу ночи. Это нормально?

– У меня есть алиби! – выпалила Маша. – Я была главной мафиози. И еще доктором. И комиссаром. А, чего тебе объяснять!

– Что? – Гончаров стоял, буквально поверженный объяснением, которое ему дала Маша. – Я не понял ни слова. Ка-

кое, к черту, алиби?

– Я играла в «Мафию» с друзьями. Мы собираемся по четвергам в одном кафе. Не каждую неделю, – последнее Маша сказала извиняющимся тоном, хотя до этого она и обещала себе больше ни за что не спрашивать ни у кого ни на что разрешения. И ничьих больше звонков не ждать.

– Что это? Что это за «Мафия»? – нахмурился Николай.

– Господи, только не говори мне, что не знаешь, что такое «Мафия»! – воскликнула Маша, широко взмахнув обеими руками. Николай Гончаров таращился на Машу в полнейшем непонимании.

– Поверь мне, Машенька, я знаю, что такое мафия. Даже больше, чем я хотел бы знать. Я пережил наезд люберецкой братвы в середине девяностых и, между прочим, могу сказать, с этим не шутят и не играют.

– Господи, Николай, о чем ты? – теперь уже Маша таращилась на него. – Я об игре в «Мафию». Ну как же? Город засыпает, просыпается Дон Корлеоне.

– Так, я понимаю, что нормального объяснения я не получу, верно? – нахмурился он.

– Да это оно и есть! – всплеснула руками Маша.

– Ты была с Робертом? Просто признайся, что ты все еще любишь его, и мы покончим со всем раз и навсегда, – выпалил Николай зло, а его пальцы больно сжали Машино предплечье. Так, что она даже вскрикнула.

– Роберт? При чем здесь Роберт-то?

– Я видел вас сегодня. Ты с ним провела почти час в шоу-рум! – в голосе Гончарова отчетливо зазвучала боль.

– А я думала, ты нас не видел, – растерянно добавила Маша и, только сказав, поняла, как нелепо прозвучала эта фраза. – В смысле, я не знала, что... В общем...

– Хватит, Маша.

– Послушай, ты на меня из-за Роберта разозлился? – внезапно дошло до Маши. – Боже мой, из-за Роберта. Это просто смешно!

– Не знаю, не знаю, – съязвил Николай. – У нас с тобой очень разное чувство юмора.

– Ты решил, что я изменяю тебе с Робертом? В шоу-рум?

– Я решил, что ты изменяешь мне с Робертом все последние три часа! – рявкнул Николай. – Выпиваешь к тому же.

– Да это все Степка со своей Пина коладой! – возмутилась Маша. Станным образом при упоминании имени Степочки выражение лица Николая смягчилось, и он посмотрел на Машу добрее.

– Так где тебя носило, Маша? – спросил он еще раз. – Что это за игры в «Мафию!»?

– Я просто поверить не могу, что ты не знаешь этой игры.

– Нет, – сухо кивнул он. – Только то, какие проблемы бывают от настоящей.

– Это просто такая игра, – рассмеялась Маша. – В нее играют от восьми до пятнадцати человек.

– А вас сколько было? – поинтересовался Николай куда

более мягким тоном. Он вдруг заметил, что от ночного холода Машу бьет мелкая дрожь. Он взял ее руки в свои ладони и сжал их вместе. – Ты совсем замерзла, а?

– Есть немного. Я думала, будет теплее. Когда я выходила...

– Когда ты выходила, в тебе говорила Пина колада. Так сколько вас было?

– Ты мне веришь, да? – обрадовалась Маша. – Сегодня нас было тринадцать. Вообще должно было быть двенадцать, но приперся Ромка. Хотя до пятнадцати человек играть можно, просто больше ролей вводится. Доктор, священник, можно еще проститутку добавить.

– Проститутку? Надеюсь, ты не была проституткой. Мне не нравится эта игра.

– О, какие глупости. Во-первых, сегодня проститутки не было. Это уже когда совсем много народу. А потом, проститутка просто ночью кого-нибудь спасает.

– Признаюсь честно, Маша, ты не проясняешь вещи, а скорее запутываешь их еще больше. Проститутки никого никогда еще не спасали. Ни ночью, ни днем.

– Николай!

– Ладно-ладно! Зачем ты телефон отключила?

Гончаров поднес Машины ладони к своим губам и поцеловал кончики пальцев. Маша почувствовала себя одновременно и счастливой, и безумно усталой.

– Чтобы не ждать твоего звонка, – прошептала она после долгой паузы. Когда они с Николаем смотрели друг другу в глаза, с Машей происходило что-то необъяснимое, как будто она попадала на самый пик горы Эверест, и дыхание заходило от восторга и отсутствия кислорода, и становилось страшно до жутки и хорошо до ужаса. И хотелось смотреть, не отрываясь, часами. Гончаров не сводил с Маши глаз, но вдруг он отпустил ее руки и обхватил ее за талию, притянув к себе. Его губы прикоснулись к ее губам. Он умел целоваться так, что Маша чувствовала полный паралич воли. Движения его губ, его языка околдовывали, и она теряла голову, почти теряла сознание, ощущая трепет в каждой клетке. Дрожала, как лист, но не могла понять, от холода или от жара.

– Я хотел позвонить. Я так злился на тебя. Почему вы сидели в шоу-рум так долго? О чем вы говорили?

– Мы... – Маша раскрыла глаза, моментально протрезвев. Николай ничего не знает о том, как Роберт подставил Машу, стерев все файлы из ее компьютера. И о проекте Аделы Юханнсон тоже ничего не знает. Если она скажет хоть слово, Николай уничтожит Роберта навсегда. Маша не знала почему, но она точно не хотела этого.

– Что – вы? – Николай сжал губами нижнюю губку, заставив Машу вскрикнуть. – Укушу, слышишь?

– Роберт хотел посмотреть, как идет строительство, и я все ему показывала, – Маша постаралась вложить в голос столько безразличия, сколько в ней было. Самое обидное, ей

ведь не было совершенно никакого дела до Роберта Левинского. Она больше ничего не чувствовала к нему, кроме сочувствия. Но она не могла открыть этого Николаю, не открывая всего остального.

– И это все? – удивился Николай, внимательно глядя на Машино лицо.

– В конце концов, это же его проект. – Маша чувствовала, что фальшивит, но другого объяснения у нее не было. Николай молчал, затем он поднес ладонь к нежному лицу своей непокорной и совсем юной подруги. Она что-то скрыла от него. Почему?

– Поедем ко мне? – предложил он вместо всех вопросов. Он разберется со всем остальным после.

– К тебе? – заволновалась Маша. – Прямо сейчас?

– Нет, завтра днем. Маша!

– Но... что же я скажу родителям? Они ждут.

– Скажи, что ты со мной. Думаю, после часу ночи уже ничего объяснять не надо. Но для их спокойствия напиши им сообщение.

– И ты считаешь, это должно их успокоить? – рассмеялась Маша, с облегчением понимая, что вопрос с Робертом решен, по крайней мере на какое-то время. – Ладно, напишу. Хотя... это возмутительно и неприлично.

– Провести ночь со своим женихом? – делано возмутился Николай.

– Когда ты так говоришь, мне кажется, что я попала в За-

зеркалье. Женихом, – Маша играла с этим словом, как с мятой конфетой.

– Да, с женихом, – Николай склонился и поцеловал Машу в нос. И добавил: – Который будет делать с тобой возмутительные и неприличные вещи. Если ты позволишь ему. – И Николай удержал Машу в своих руках, словно зная, что от его слов у нее закружится голова. Он обнял ее за талию и повел к машине. – Позволишь?

– Даже если бы я попыталась сопротивляться, – прошептала Маша, краснея. Николай заботливо открыл перед Машей дверь автомобиля и помог ей устроиться. В салоне было тепло и пахло тонким приятным ароматом автомобильной кожи. Николай завел двигатель, а затем улыбнулся, глядя на совершенно растерянную раскрасневшуюся Машу.

– Значит, сегодня ты не была проституткой и не спасала горожан по ночам? Это хорошо. Интересная какая игра. А в чем ее суть? Что нужно делать, чтобы выиграть?

– Эгхм, – закашлялась Маша. Затем она повернулась к Николаю и ответила на поставленный вопрос с самым невинным видом, на который только была способна: – Чтобы выиграть, нужно врать. Да, врать – и врать как можно лучше.

Глава 5

Золушка без тыквы

Николай Гончаров переехал в дом в Большом Афанасьевском не так давно, около года назад, главным образом из-за того, что ему очень подходило место. Отсюда было близко до всего, кроме, конечно, «Русского раздолья», до которого, откуда ни стартуй, будет далеко. То, что Маша Кошкина, невеста Николая, никогда не была здесь, могло бы показаться странным кому-то, кто не знал их историю. Но Маша была невестой без году неделя, и о жизни своего будущего мужа имела представление весьма смутное. Она хорошо знала его как строгого босса, а еще – она отлично знала, как восхитительно он умеет целоваться.

И что он – ее первый мужчина.

Когда внедорожник Гончарова заехал в красиво освещенный дворик дома в Афанасьевском, Машин рот открылся сам собой. В мягком ночном полумраке дом казался игрушечным, выстроенным специально для того, чтобы чьей-то заботливой рукой вставить в просторные оконные проемы кукол Барби и Кенов, улыбающихся и беззаботных, с длинными ногами, с коктейлями в руках. Песочного цвета ка-

мень, летящие вверх линии огромных окон, а чуть в сторону, дальше по переулку – умное лицо на торце дома. Булгаков, портрет во всю стену. Маша смотрела во все глаза, и эта мысль, острая и до сих пор не беспокоившая ее по-настоящему, теперь вдруг заставила Машу разнервничаться.

Она действительно ничего о Николае Гончарове не знает.

Этот дом для очень богатых. Тишина подземной парковки, натуральное дерево, которым отделали лифты, мрамор приквартирных холлов, все это заставляло задуматься и посмотреть на происходящее по-новому. Машин будущий муж богат. Что она собирается делать с этим? За двадцать три года жизни Маша ни разу не встречала миллионеров, не имела с ними дела, не знала, как обращаться с ними. До этого дня или, вернее, до этой ночи, Маша и Николая Гончарова миллионером не считала. Умом – да, она знала, что он из богатой семьи, из клана Гончаровых. Это не было тайной, но это не было и чем-то реальным, нет. Не таким реальным, как его непослушные темные волосы, падающие на лицо, когда он склонялся над Машей, глядя на нее плотоядно, жадно, с первобытным желанием обладать – всецело и без границ. Она хотела, чтобы он обладал ею, просто она не знала, насколько многим он уже обладает.

Теперь она увидела то, о чем говорил Степка, о чем подо-

зревали родители. Гончаров был из какого-то другого мира, о котором Маша не имела ни малейшего представления.

– Ты устала? Ты выглядишь расстроено, – прошептал Николай, проведя нежно пальцем по Машинуму лицу.

– Серьезно? – попыталась пошутить она. – Это в два часа ночи-то? Откуда усталость?

– Нет, даже не усталость. Что-то еще, – Николай изучающе посмотрел ей в глаза, и Маша тут же отвела взгляд.

– Я никогда у тебя не была.

– Я знаю и считаю это просто неправильным. В конце концов, ты же будешь жить здесь со мной, верно?

– Да? – Маша замерла перед дверью в квартиру, обдумывая эту странную, совершенно новую для нее мысль. Вот это поворот. Ее сознание никогда не заглядывало дальше поцелуя и свадебного букета. Да она, оказывается, вообще ни о чем не подумала серьезно. Николай некоторое время сверлил Машу недоверчивым взглядом, а затем расхохотался и принялся искать в карманах ключи.

– Ты – самое удивительное существо на свете. Я бы хотел читать твои мысли, потому что иногда я действительно не понимаю, о чем ты думаешь и что происходит в твоей милой головке.

– Обычные мысли, – пожала плечами Маша, пытаясь справиться с дрожью в ногах. Она зашла в просторный холл, выстеленный тонкой ковровой дорожкой с ненавязчивым

рисунком. На одной стене висело роскошное высоченное зеркало, в котором отражались и теплые, цвета слоновой кости стены с картинами в толстых рамах, и упругие, перетянутые дорогой тканью пуфы, и вешалка с резными деталями. Дорогая, достойная классика, на фоне которой Маша смотрелась словно наложенная фотошопом. В зеркале она была испуганной, бледной, с кругами под глазами. Как она оказалась здесь, в этой просторной квартире, даже воздух которой кажется ей каким-то другим? Может быть, его очищают и озонируют каким-нибудь специальным образом? Может быть, все эти богачи на самом деле дышат другим воздухом? Неожиданно даже для самой себя Маша громко чихнула. Аллергия на элитный образ жизни?

– О, наверное, строительная пыль. Мы не так давно переехали.

– Мы? – удивилась Маша.

– Я, – поправился Николай.

– Мы, Николай Второй? – ухмыльнулась Маша.

– Ну, если учесть, что моего отца звали Николаем... Знаешь, сколько ни убираем, все равно чувствуется. Ты как? – Николай наклонился и заглянул Маше в глаза.

– Не знаю. Я не чувствую пыли. Я... такое странное чувство. Я не думала, что буду жить где-то еще, кроме моего дома.

– Мне кажется, твоя комната маловата для нас двоих, – рассмеялся Николай. – Даже если поменять кровать. Да и

родители твои будут возражать.

– Родители будут возражать в любом случае.

– Ты голодна?

– В два часа ночи? – удивилась Маша. Голод был последним, о чем она бы подумала, но, если говорить по правде, она была голодна. За всю игру в «Мафию» она не съела ни крошки, только пила коктейли. Теперь от их опьяняющего воздействия не осталось и следа, и Маша дрожала от волнения, оказавшись наедине с этим красивым серьезным мужчиной, который называл себя ее женихом и собирался забрать ее себе навсегда. Он старше ее на десять лет. Она никогда не любила никого, кроме него. Он – наверняка любил других женщин. Еще одна вещь, о которой Маша никогда не думала. Что, если у него кто-то был даже тогда, когда он начал встречаться с Машей? Да и не встречались они по-настоящему. Они виделись на работе, целовались в машине, несколько раз обедали и ужинали в каких-то ресторанах. Она не знает ни одного друга своего жениха. Она не знает его семьи. Клана Гончаровых, с которым ей предстоит завтра познакомиться.

И тут паническая атака накрыла Машу с головой. Она почувствовала, как ноги становятся совершенно ватными, а голова кружится. Она опустилась на низкий пуфик в прихожей, прижав колени к груди и обняв их так, словно пыталась свернуться в клубок.

– Маша, что с тобой такое? – растерялся Николай, а Маша чувствовала, как ей даже дышать удается с трудом, и какой-то ком в горле, и страшно, и кажется, что она запуталась и потерялась, и совершила какую-то непоправимую ошибку. Она просто не может, не может ни с кем из них знакомиться. У нее нет никакого опыта. Даже одежды приличной нет. Так и прийти в ветровке с горохами, в кедах, в джинсовой юбке? Даже у Золушки была крестная фея.

– Так, вот, держи. Пей! – Маша почувствовала, как к ее губам прикоснулось что-то прохладное. стакан воды. Да, то, что надо. Николай смотрел на нее, обеспокоенный и огорченный. Маша сделала несколько глотков, хотя они и дались ей нелегко – горло все еще сдавливали непонятные слезы, норовившие прорваться наружу. Николай не спрашивал больше ни о чем. Тонкая ветровка в горошек полетела на пол первой. Затем он поднял Машу на руки и понес по длинному коридору мимо каких-то дверей, мимо мерцающего ночника – в просторную, погруженную в сумрак спальню. Маша обхватила его за шею и вдохнула сложный мужской запах, такой умопомрачительный и такой знакомый, он немного успокоил ее. Николай вел себя так, словно каким-то образом сумел-таки прочесть мысли своей девушки. Он нежно уложил Машу на большую постель – не соврал, минимум раза в четыре больше Машиной кровати – и нежно накрыл ее легким, но теплым одеялом. Он вел себя так, словно ухаживал за пациенткой с простудой. Не хватало только чая с

медом. Это показалось Маше смешным.

– Ты мне еще температуру померь, – прошептала она, слабо улыбнувшись.

– Между прочим, я на миллиметр от того, чтобы вызвать врача. Скажи, какая муха тебя укусила? Что тебя так расстроило? Так, подожди, я принесу тебе... У меня есть кое-что... – И Николай скрылся. Лежать было намного спокойнее, чем сидеть на пуфике. Маша подтянула ноги к груди и свернулась калачиком. Николай оставил включенной лампу на прикроватном столике, и Маша принялась осторожно рассматривать помещение, в котором, как сказал Николай, им предстояло жить вместе. Стоило ей подумать про это «жить вместе», как Маше снова становилось не по себе. Спальня была сравнительно небольшой – в отношении квартиры в целом, и тоже выполненной в классическом стиле. Дорого, но не броско. Ничего кричащего, ничего нелепого. Такой же мягкий бежевый цвет, ковер под кроватью сияет чистотой. В шкафах книги, рядом с креслом высокий торшер. На круглом столике навалены книги. Это было так в духе Николая, он был кем угодно, но только не новатором. Его трудно было представить с электронной книгой. Каждый элемент мебели на своем месте, все подчинено идее удобства и простоты, в такой спальне могло спать уже десятое поколение Гончаровых, но ведь он только сюда переехал. Кровать стояла около глухой стены, так, чтобы свет от огромного – от потолка до пола – окна не потревожил сна обитателей спальни. Рядом

с дверью в комнату Маша заметила еще одну дверь, а чуть ближе к окну – еще одну. Их назначения Маша не поняла. Одна, допустим, ведет в ванную. А другая? В туалет? Раздельный санузел в спальне? Это было бы более чем странно.

– Так, вот сыр, хлеб и немного ветчины. Все остальное нужно готовить, а я, признаться, не большой мастак в этом деле. Даже кофе сам себе не сделаю, если честно. Ну, бери и ешь. Не стесняйся. Господи, Маша, ну теперь-то в чем дело? – Николай беспомощно смотрел на то, как Машины глаза наполняются слезами, а губы снова начинают дрожать.

– Ничего, – пробормотала она, с трудом удерживаясь от того, чтобы не разрыдаться. Где тут был стакан с простой водой? Ей нужно попить. И пописать, черт. Она же не знает, куда идти. Все эти двери. Маше захотелось домой.

– Ага, я прямо вижу, как у нас все в порядке! – зло пробормотал Николай, доставая из кармана платок. Он присел на кровать к Маше и промокнул ее глаза, но результат был ровно обратным – Маша расплакалась окончательно. Уткнувшись в знакомое плечо, вдыхая запах, который Маше так нравился, она вздрагивала и хлюпала, а Николай прижимал ее к себе и похлопывал по спине, просто не зная, что еще он может сделать для девушки, рыдающей в его кровати безо всякой причины.

– Ну-ну, малышка, не надо, ну, успокойся. Я здесь, с тобой, все в порядке.

– Не-ет! – простонала Маша, вытирая слезы кулаком.

– Нет? – удивился Николай. – Не в порядке? Но что?

– Все! – замотала головой Маша.

– Вообще все? – тут же нахмурился он. – Это что, все-таки чертов Роберт?

– Что? – Маша отпрянула и посмотрела на Николая в полном изумлении. – При чем тут Роберт? Ты посмотри на меня! Я ведь... я не умею готовить. Я вообще ничего не умею. У меня дома в постели лежит плюшевый медведь. И вообще, вот я даже не представляю, зачем тут у тебя две лишние двери. Одна – ванная, а другая?

– Другая – это шкаф, гардеробная, – ответил Николай, невольно улыбаясь. Маша некоторое время сидела, обижаясь на то, что была такой глупой и сама не додумалась.

– Господи, я ведь знала! Я забыла про эти чертовы гардеробные, а ведь я дизайнер. Но ведь у нормальных людей в спальнях только одна дверь – выход. Она же – вход.

– Боже мой, ты из-за этого переживаешь? Что ты не справишься?

– Я обязательно не справлюсь, – заверила его она, и глаза снова наполнились слезами. – Я даже дома только маме помогала на стол накрывать. Я умею только пельмени варить.

– Машенька, да какое мне дело до того, умеешь ли ты готовить!

– Честно? – всхлипнула Маша.

– Честно, – кивнул он.

– А до чего тебе есть дело? – завелась она. – Вот именно!

Что ты вообще во мне нашел? Я же – самая обычная.

– В тебе нет ничего обычного. Даже на миллиметр, – за-
верил ее Николай. И склонился ближе, положил одну ладонь
на сцепленные на коленках ручки, нежно, но твердо разо-
рвал их хватку. Он взял Машины руки в свои, поцеловал ее
в тыльную сторону сначала одной ладони, затем другой, от-
вел руки в стороны, положил Машу на спину, лицом вверх
и удержал в таком положении на несколько секунд, любуясь
ее нежным, покрасневшимся, заплаканным лицом.

– Ты нежная, хрупкая, честная, – шептал он, продолжая
подниматься выше по Машиному запястью. Он поцеловал
изгиб руки. – Если, конечно, не играешь в «Мафию», пото-
му что там, если я понял правильно, чтобы победить, нужно
врать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.